

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Милые призраки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805825

Аннотация

«Летний Петербург, пора белых ночей.

Квартира чиновника Горожанкина в полуподвальном помещении. Состоит она из двух комнат: в одной, где кухня, спит и живет семья Горожанкина, во второй, что на сцене, помещается он сам, и в светлом углу, за ситцевой перегородкой, проживает бывший студент Михаил Федорович Таежников. Два окна под потолком выходят на узкий и темный двор, где в настоящую минуту – часов пять дня – играют и кричат дети со всего многоэтажного дома. Нищета в квартире отчаянная, подвал сырой, заливаемый в наводнения, обои местами набухли и отлипли; и такой же нищенский мутный свет в оконца. В отделении Горожанкина – его кровать, стол и два хромоногих стула, да еще на стене кое-какое старое форменное платье; есть еще кресло, когда-то было обито кожей, а теперь через порванную клеенку лезет мочала...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	43
Действие третье	78
Действие четвертое	115

**Леонид Николаевич
Андреев**
Милые призраки
Драма в четырех действиях

Действующие лица

Михаил Федорович Таежников, бывший студент.

Тимофей Аристархович Горожанкин, чиновник,
пьяница.

Елизавета Семеновна, его жена, чахоточная.

Таня, их дочь, двадцать лет.

Сеня, горбатенький, их сын.

Егор Иванович Монастырский, хорист, друг Таеж-
никова.

Генеральша Тугаринова.

Раиса Филипповна Тугаринова, ее дочь, красави-
ца.

Гавриил Прелестнов, отставной капитан, кабац-
кая душа.

Паулина (Полина) Ивановна Мюллер, подруга Та-
ни.

Иван Алексеевич Незабытов, известный поэт, редактор журнала.

Григорий Аполлонович, известный критик.

Яков Иванович, старичок из богадельни.

Ванька, Митька, Степа – пьяные.

Действие происходит не в наши дни.

Действие первое

Летний Петербург, пора белых ночей.

Квартира чиновника Горожанкина в полуподвальном помещении. Состоит она из двух комнат: в одной, где кухня, спит и живет семья Горожанкина, во второй, что на сцене, помещается он сам, и в светлом углу, за ситцевой перегородкой, проживает бывший студент Михаил Федорович Таежников. Два окна под потолком выходят на узкий и темный двор, где в настоящую минуту – часов пять дня – играют и кричат дети со всего многоэтажного дома. Нищета в квартире отчаянная, подвал сырой, заливаемый в наводнения, обои местами набухли и отлипли; и такой же нищенский мутный свет в оконца. В отделении Горожанкина – его кровать, стол и два хромоногих стула, да еще на стене кое-какое старое форменное платье; есть еще кресло, когда-то было обито кожей, а теперь через порванную клеенку лезет мочала. У Таежникова – столик для письма и стул; под столом несколько книг, на гвоздике старая черная пара платья и ничего другого, тут все имущество. Бедность во всем непокрытая, но видна забота о чистоте, даже желание как-нибудь приукрасить жилище: на стенах у Горожанкина прикле-

ены хлебным мякишем иллюстрации из журналов, подметено чисто, у порога половичок, а на обоих окнах кисейные занавесочки; у студента даже цветок на окне – чахлая герань с единственным красным цветочком.

При начале действия Таежникова нет дома: он ушел в редакцию журнала за ответом по поводу своей рукописи. Таежников – среднего роста, красивый, очень бледный молодой человек с неестественно горящими глазами и угольно-черной бородкой. Горд и от гордости застенчив: на людях сутулится, смотрит боком и исподлобья, но, когда один или в минуты сильного волнения, выпрямляется и так же прямо смотрит. Переходы в настроении очень резки и порою непонятны для окружающих.

На сцене, когда поднимается занавес, трое: Елизавета Семеновна, дочь Таня, красивая, скромная девушка с робким лицом, и старичок из богадельни, бывший чиновник, Яков Иванович; одет в старенький вицмундир. Елизавета Семеновна в мучительном состоянии: нынче муж ее, Тимофей Аристархович Горожанкин, получает жалованье и должен был принести его домой, но вместо того, очевидно, отправился с товарищами в кабак; пропадает приготовленный в виде сюрприза обед, и неизвестно, как поступить с приглашенным гостем, Яковом Ивано-

вичем, который, будучи глух, не понимает происходящего и кротко ожидает обеда. В то же время заболел сильной простудой и горбатенький сын Сеня, мальчик лет двенадцати, лежит в соседней комнате в жару. По виду Елизавета Семеновна худая, костлявая, когда-то красивая дама, выдавшая лучшие времена; в порывистых движениях ее, крайнем волнении и горделивых манерах, не соответствующих обстоятельствам, чувствуется начало душевной болезни. Одета в заношенное, но парадное платье, на голове грязноватая кружевная наколка. С крайним волнением, стоя в стороне, следит за тем, как Таня безуспешно уговаривает старика.

Таня (громко). Яков Иваныч! У нас Сеня заболел... Сеня заболел, Сеня!

Яков Иванович (деликатно). А? Да, да. Хорошо. Еще рано, да.

Таня. Сеня заболел, у него жар, слышите? Яков Иваныч!

Яков Иванович (улыбаясь, все так же деликатно). Да, да, я подожду. Жарко? Нет, не жарко, ничего. Я подожду.

Елизавета Семеновна (в крайнем нетерпении). Нет, оставь его, Таня, это возмутительный старикашка, я просто не могу его видеть. Ну чего он улыбается,

ну что тут смешного?

Таня. Не беспокойся, мама. Я его отправлю, он уйдет.

Елизавета Семеновна. Как же я могу не беспокоиться? как ты странно говоришь, Таня, извини меня! Человека звали обедать, человек слепенький, глухой, из богадельни, его звали обедать, он кушать хочет, а теперь говорят: идите домой, обеда не будет!

Таня. Кто же мог думать...

Елизавета Семеновна. Кто? Все, кроме нас! Твой отец бесчестный человек: зачем он клялся, божился на икону, что вернется трезвый и принесет жалованье? Он бесчестный, клятвопреступник, и я буду молить Бога, чтобы он умер! Я денег заняла на обед, я ему сюрприз делала, у нас гость... и опять! и опять! *(Плачет, отворачиваясь от старичка, и кашляет.)*

На дворе, за открытой форткой, слышнее крик играющих детей.

(Сквозь слезы.) Закрой фортку, я не могу слышать, как они там кричат!

Таня *(закрывая)*. Они играют.

Елизавета Семеновна. И Сеничка играл бы с ними... горбатенький... За что все не любят горбатых? За что Тимофей Аристархович не любит Сеничку, раз-

ве Сеничка виноват, что у него горбик? Какой негодяй твой отец! *(Кашляет.)* Предложи ему чаю.

Таня. Кому?

Елизавета Семеновна *(раздраженно)*. Якову Иванычу! Слышишь, сейчас же предложи.

Таня. Хорошо, я предложу.

Елизавета Семеновна. Котлеты совсем перегорели, теперь хоть собакам выбросить... а сам просил с луком... подлый человек! – Михаил Федорович где?

Таня. Ушел по делам.

Елизавета Семеновна заглядывает в комнатку Таежникова, слегка поправляет постель и поднимает с пола соринку.

Елизавета Семеновна. Ну кто у нас останется жить при таких условиях? Ты поливала цветочек, Таня, он сухой... не надо забывать, мой друг. Михаил Федорович такой благородный, такой великодушный юноша... Смотри: он опять улыбается! Ну что это за дурак, что он думает? Он все ждет обеда... *(Вспыхнув.)* Яков Иваныч, уходите, слышите!

Яков Иванович продолжает деликатно улыбаться, кивая головой.

(Топнув ногой.) Нет, я положительно не могу! Приходят, когда в доме такое несчастье... ребенок в жару, отец где-то пьянствует, с какими-то мерзавцами, которые не боятся Бога! Я не могу!.. *(Выходит, кашляя.)*

Таня говорит старичку на ухо громко.

Таня. Яков Иваныч, миленький, обеда сегодня не будет, идите.

Яков Иванович. Что? Не будет... да, да, я подожду.

Таня. Обеда совсем не будет, идите домой, миленький, домой. Мне так жалко...

Яков Иванович. А, домой... *(Встает, растерянно.)* Да, да, я пойду, извините... я думал... извините... *(Встает.)*

Елизавета Семеновна окликает из дверей.

Елизавета Семеновна. Таня!.. Дай ему, я завернула котлетку, пусть хоть дома поест.

Таня. Подождите, Яков Иваныч... Вот возьмите, миленький, и еще двадцать копеек, не уроните.

Яков Иванович. Я в платок заверну. *(Бормочет.)* Спасибо, спасибо...

Завертывает в платок монету. Таня тихонько

направляет его к двери. Вошла Паулина Мюллер, подруга Тани, полнотелая немка-девица из Риги с густо накрашенными щеками и наивным взглядом голубых, немного бараньих, подведенных глаз. Одета вызывающе, неряшливо и бедно. Тяжело устремляется к Тане и отнимает ее восторженно и страстно.

Паулина. Моя милая Таньхен, мое сокровище, мой ранний светик!.. Но что ты невесело глядишь, мое сокровище?

Таня. погоди минутку, Полина, мне надо проводить Якова Иваныча...

Паулина. А я его и не подметиль... здравствуйте, старичок! Какой он сегодня авантажный, просто прелесть! Яков Иваныч, у вас есть невеста?

Таня. Оставьте, Полина, он домой идет. Идите, Яков Иваныч, идите, миленький.

Что-то сообразив, Яков Иванович шамкает на ухо Тане.

Яков Иванович. Тимофей Аристархович, а?.. Запил, а?

Таня. Да.

Яков Иванович, сделав плачущее лицо, как у старухи, долго, соболезнующе и деликатно покачивает головой, уходит. Девушки одни.

Паулина. А папа нет дома?

Таня. Нету. *(Тихо плачет.)*

Паулина *(моргая глазами)*. Та, та, та... нету папа, Запиль папа, да? Какая свинья! Его надо бить палками, твоего папа. Голодный семья, больной дети, а он пьет в кабаке, фи!

Таня. Он сам несчастный.

Паулина. Ну-х, у тебя все несчастный, ты всех жалеешь. Он разбойник, его надо в тюрьму! Если он несчастный, так зачем он всех бьет кулаками, зачем он бьет горбатый Сеничку? Его самого надо бить... ну, ну, что я такое говорю, как самашедшая – ты и меня жалеешь. Не плачь, мой светик, а то... я тоже буду реветь! *(Плачет.)*

Таня *(улыбаясь)*. Глупые мы с тобой, Полиночка.

Паулина. Я очень чувствительна. *(Вытирает слезы.)* Смотри, я не размазалась? Ах, эти глупые слезы! *(Пудрится, поправляет, посплюнув палец, перед карманным зеркальцем глаза и прическу)* Марьяжить сегодня не пойдешь?

Таня. Нет. Сеничка еще заболел, у него жар.

Паулина. Так... У Сенички жар, а придет этот раз-

бойник и будет еще бить его... (*Прячет зеркальце.*) Я буду с Маней ходить. – А студент где?

Таня. Пошел по делам.

Паулина. Я его боюсь, он такой благородный... Но какой он бедный, бедненький студентик. (*Вздыхая.*) Все студенты бедный.

Таня. Полина, а зачем ты с утра подводишься?

Паулина. Зачем? А затем, что я такая рожа с утра, если не покрашу... знаешь, в зеркало нельзя смотреть самому! А еще – погляди – мне мой Ванька вчера синяк делал вот... Правда, совсем не видно? Я его покрасил, правда хорошо? (*Тихо.*) А твоя мама там, я ее боюсь? (*Вздыхая.*) У тебя такая красивая мама. Она так говорит со мною, как будто я совсем благородная... девица Паулина фон Мюллер! (*Смеется.*)

Таня. Мама со всеми так говорит.

Паулина. Ну да, она хочет думать, что все благородный, а то тогда как ей делать? Всем в рожу плюнуть? (*Вздыхая.*) Ах, я с утра должна нарисовать себе щеки и немного выпить пива, а то я совсем не хочу жить. Надо, чтобы мне было весело, совсем немножко весело. Хочешь, я спою тебе новую песенку, меня мой Ванька учил. «Караул, разбой, батушки мои, мои!..»

Таня (*испуганно*). Перестань, что ты! Мама услышит, что ты еще выдумала!

Паулина зажимает себе рот, сдавленно смеется. Таня, улыбаясь, смотрит на нее; растроганная Паулина обнимает ее, прижимается, нежно приглаживает волосы и ворует.

Паулина. Волосики мои, кудряшечки мои... Какая ты хорошенькая, Таньхен, ты совсем красивая девушка, ты на барышню похожа. Знаешь, у которых ножки так и волосы так, так!.. Только зачем заплаканы глазки? И зачем серые щечки? Ах, зачем серые щечки, Таньхен? – Ты очень любишь студента, Таньхен?

Таня (*отодвигаясь, укоризненно*). Ты опять, Полина? Сколько раз я просила тебя не говорить глупостей. Любовь!

Паулина. Зачем не любить? Люби. Он такой беденький студентик!..

Таня. Полина!..

Паулина. А я Ваньку люблю. Я твоего студента боюсь. Зачем мне Ванька синяк делал? Черт поганый! Я ему сама морду буду бить... что ты, Таньхен?

Таня (*отойдя, после молчания*). Зачем ты ходишь ко мне, Полина?

Паулина. Как – зачем? Ты моя подруга, и я очень, очень люблю тебя.

Таня молчит, отвернувшись. Паулина мучительно краснеет, почти плачет.

Ты не велишь мне, чтобы я ходиль? Ты хочешь, как мама, чтобы все было благородный... да? Извини меня, Таньхен, я простая девушка и не понимаю, что говорю. Ежели ты не велишь, чтобы я к тебе ходиль, я в Неву брошусь.

Таня обнимает Паулину, и та нерешительно и нежно кладет голову ей на плечо. Молчание.

Таня (*тихо*). Не надо про любовь.

Паулина (*тихо*). Не надо.

Таня. Какая у нас может быть любовь? Погибшие мы, Полиночка, последние люди на земле, как козявки: кто пройдет мимо, тот и наступит и раздавит. Благородство, отец чиновник, когда-то хорошую службу имел... а вот придет отец пьяный, ночью, чиновник-то этот, и такое благородство покажет!.. Нет, ты лучше нас, Полина. Ты на Бога прямо смотришь, какая ты есть, а мы все глазами косим... благородные!

Паулина. Нет, ты такая хорошая, Таньхен. Ты, как мама.

Молчание. Обе задумались.

Таня. И зачем люди живут, зачем мучаются, когда так легко, так просто умереть!

Паулина (*тихо*). Я тебе говорил: купим спичек, отломаем красные головки и все тут... как Дунька сделала. Ах, как она мучалась от этих спички, должно быть, мало положила... мы много положим, Таньхен? А?

Таня (*вздрагнув*). Нет!

Паулина. Или в Неву...

Таня (*вставая*). Нет! Не говори. Оставь. Потом, потом. Ах, Господи!.. Так надо, так надо! (*Беспокойно и испуганно ходит, слегка поламывая пальцы.*)

Паулина. Что надо?

Таня. Не знаю. Так надо, так надо... надо терпеть. Ах, Господи!.. Полина, – что я хотела тебе сказать? Я сегодня не пойду, дай мне два рубля до завтра, нет, до послезавтра, Сене лекарство понадобится.

Паулина. Хоть всю меня возьми, сокровище мое! Вот на, здесь три рублика... я завтра хотел новую шляпу купить, у этой Ванька ленту оборвал, такой поганый черт! Все равно, и эта хороша. Знаешь, купи горбатенькому монпасье, пусть сосет, и ему тогда веселее будет!

Таня (*улыбаясь*). Он мороженого на десять копеек съел, я ему денег дала... я уж маме и не говорю* Глу-

пенький мальчик, никаких у него радостей нет... мальчики в игру его не принимают...

Паулина. Меня сегодня один мальчишка камнем бросиль, а я его за вихор отодрала... тоже Ванька какой! – Ах, к студенту гости!..

Вошли Егор Иванович Монастырский и отставной штабс-капитан Гавриил Прелестнов. Монастырский юн, непомерно длинен, безбородое лицо угреватое, одет бедно, держится он неуклюже, с некоторой застенчивостью, говорит круглым басом, откашливаясь. Капитан лыс, краснонос, из всех пор дышит алкоголем и ненарушимым душевным спокойствием. Здравуются – все давно знакомы.

Монастырский. Виноват, Михаила Федоровича нет? Здравствуйте, Татьяна Тимофеевна, здравствуйте, Полина Ивановна.

Прелестнов. Салют, медам! Фух, жара какая на улице... а у вас тут, приятно.

Таня. Садитесь, Егор Иванович...

Монастырский. Я про Михаила?..

Таня. Он просил вас подождать... он в редакцию пошел.

Монастырский. А!..

Короткое молчание.

Прелестнов. Приятнейшая прохлада-с, точно на даче живете.

Таня (*улыбаясь*). У нас тут в наводнение на два аршина воды было, так и не просыхает.

Прелестнов (*хохочет*). Значит, и морские купания? Егор, слышал?

Монастырский. Слышал, не бубни. Давно пошел Михаил?

Таня. Давно. Сегодня ему обещали ответ... вы знаете.

Прелестнов. А мы-с в трактире «Палермо» подвизались на биллиардике. Прохладное заведение... Жорж, сигарету?

Монастырский. Все вышли сигареты. – Как ваши, все ли здоровы, Татьяна Тимофеевна?

Таня (*опуская глаза*). У Сенички простуда, жар, а отец... еще не приходил...

Монастырский. А!.. Понимаю-с. Так-то-с, да – нехорошо.

Молчание.

Паулина. Егор Иваныч, у вас есть невеста?

Монастырский (*смущаясь*). У меня? Нет, нет-с.

Паулина. Фи, какой вы! Отчего же у вас нет невесты? Или вы не хотите?

Таня. Полина!..

Прелестнов. Куда ему, с его физиономией и неопределенным положением в обществе... хорошо, что хоть на чужих свадьбах попеть дадут! Правда, Егор?

Паулина. Нет, он очень милый. А если я в вас влюблюсь, а? Тогда что? *(Хлопает в ладоши.)* Он покраснел! А вы можете побить одного человека, его зовут Ванька? Такой черт поганый!

Монастырский. Могу-с! *(Смеется.)* Вы лучше в капитана влюбитесь.

Прелестнов. Не советую-с. Безнадежен-с. С тех пор как Вечный Судия мне дал женщину¹, которая носит мое имя, – враг любви-с. Враг, и непримиримый! Как прелестно выразился поэт:

Увы! Ничто не вечно!
Мое блаженство с ней
Казалось бесконечно...
В течение трех дней.
Жена моя в гробу – Рабу...²

¹ *С тех пор как Вечный Судия дал мне женщину...* – перефразировка строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк» («С тех пор, как вечный судия мне дал всеведенье Пророка...» – 1841).

² «Увы! Ничто не вечно!..» – куплет из песни В. С. Курочкина

Таня. Тише... мама.

Входит Елизавета Семеновна, церемонно приветствует пришедших.

Елизавета Семеновна. Я слышу голоса... Здравствуйте! Как ваше здоровье, капитан? Добрый вечер, фрейлейн Паулина. Садитесь, господа.

Прелестнов. Как изволите чувствовать себя, достоважаемая Елизавета Семеновна? Погода прекрасная...

Елизавета Семеновна. Благодарствуйте, капитан, хорошо. Сегодня моего Тимофея Аристарховича задержали на службе... генерал всегда дает ему особые поручения, и вот... да, погода прекрасная. Как здоровье ваших родителей, фрейлейн Паулина?

Паулина *(делает неловкий книксен)*. Моих родителей... Ах, мерси, благодарю, очень хорошо.

Елизавета Семеновна. Летом так душно в Петербурге. Прежде мы каждое лето ездили на дачу... вы на даче изволите, капитан?

Прелестнов. Да-с, на свежем воздухе.

Елизавета Семеновна. А ваши родители, фрейлин Паулина?

Паулина. Мои родители?..

Елизавета Семеновна. Куда ты, Таня?

Таня. Я хочу посмотреть Сеничку.

Елизавета Семеновна. Да, я как раз хотела попросить тебя, мой друг, взглянуть, что с ним: кажется, он бредит... подожди, мы пойдем вместе. *(Вставая.)* Это такая забота, дети... вы извините, господа? Добрый вечер, капитан. Добрый вечер, фрейлейн Паулина. *(Громким шепотом.)* Отчего ты не предложишь им чаю, Таня?

Выходят обе. Паулина, снова делавшая книксен, раздражается гневными восклицаниями.

Паулина. Нет, я больше не могу! Зачем она спрашивает меня про каких-то родителей, она каждый день меня спрашивает, что я, кукла? Я ей раз сказала, что у меня нет родителей, я ей два сказала, что у меня нет родителей, так чего она хочет? Или она смеется? Или она думает, что я к ней конфирмоваться пришель? Я уличная девушка и другой раз крикну этой дама: пусть черт возьмь моих родителей!

Капитан хохочет.

(Почти плача.) Она может быть святая, если хочет,

а я не хочу быть святой. Мне Ванька синяк делалъ, я сегодня пиво лакаль, а она спрашивает: родители! Или я такая кукла, которая закрывает глаза так, и тогда ей можно про всякую вещь... всякую вещь... Я не хочу!

Прелестнов хохочет.

Монастырский. Успокойтесь, Полина Ивановна, вы же знаете, какая она несчастная женщина... Господь ее знает, может быть, она давно уже и с ума сошла, и только мы этого не примечаем... А ты чего смеешься?

Прелестнов. Смешно!

Монастырский. Нет, ты чего смеешься?

Прелестнов. Да как же, брат... родители, ха-ха! Фрейлейн Паулина... родители... смешно!

Монастырский. Нет, ты чего смеешься?

Прелестнов. Но, позволь... ведь это же чистейший, так сказать, юмор, и...

Монастырский (*презрительно*). Осел!

Прелестнов. Но, но, Жорж, – такие выражения недопустимы!

Монастырский. Женщина кровавыми слезами плачет, а ты ржешь, а? Тебе смешно, подлецу, пьянице? Ты знаешь, кто была Елизавета Семеновна, как

они жили, пока этот, ее супруг, краснорожий мерзавец, такой же пьяница, как и ты, не вверг ее в эту нищету, в этот позор, а?

Паулина (*всхлипывая*). Таничка пансионе училась, где благородный девиц...

Монастырский. Ты знаешь, что у нее уже двое Детишек умерло, и вот третий, горбатенький... а? А Татьяна Тимофеевна, которая для спасения голодных детей... и это смешно, а? Смеешься? – Осел!

Прелестнов. Извини, Егор, но... ты совершенно прав! *Осел*, каюсь. Обольщен, так сказать, внешним видом и... мне стыдно-с. Гавриил Прелестнов пьяница, так издревле повелел рок его судьбы, он позорен, он за двугривенный к потехе низкой черни пролезет под миллиард... и обратно-с! – но он рыцарь! Как прелестно выразился поэт: «подзовем-ка ее да расспросим»³... а я забыл, как тать в ночи. Извините, Полина Ивановна, умоляю. Пред кем еще извиниться, Егор, говори!

Монастырский. Ты же и не дурак, капитан, и не зол...

Прелестнов. Верно, Егор, верно: и несколько не зол!

Паулина. Капитан очень добрый.

³ «Подзовем-ка ее, да расспросим...» – строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная» (1859).

Прелестнов. Полина Ивановна, ангел вы мой... Пристыжен, форменно пристыжен-с! Смеялся, как Гарпагон⁴! Тут такое несчастье... воистину одни горькие слезы да надгробные рыдания, а я...

Монастырский. Надо будет сюда еще ночью заглянуть, когда этот вернется... Михаил в тот раз насилу с ним справился один. Его связывать надо, а Миша не силен... *(Увидя входящую Таню.)* Так-то, Гавриил, вот ты и опять вляпался!

Вошла Таня.

Прелестнов. Опять, Жорж, но больше – клянусь! Пароль донер!⁵

Таня. Еще не вернулся Михаил Федорович?.. Да, у Сенички жар сильнее, бредит, я ему компресс положила... бедненький, ему даже трудно на спинке лежать, и в бреду он не понимает, что это мешает ему...

Прелестнов *(сочувственно)*. Да-с, в природе вещей горба или, так сказать, горбика не существует, и, как невинное дитя, еще не привыкшее к сей юдоли... печально-с, печально!

⁴ *Гарпагон* – имя героя комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой», стало нарицательным для обозначения скряги.

⁵ Честное слово! (от *фр.* Parole d'honneur!)

Молчание.

Таня. Как долго нет Михаила Федоровича... Господи, хоть бы ему посчастливилось! Неужели ему опять вернут рукопись – как вы думаете, Егор Иваныч?

Монастырский. Думаю я грустно, Татьяна Тимофеевна. Ничего не выйдет у Миши, вот что я думаю.

Таня. Но ведь это так хорошо написано, вы же сами плакали, Егор Иваныч, когда он читал нам... и капитан плакал!

Монастырский. Что наши слезы! Вы несерьезный критик, Татьяна Тимофеевна: раз вы заплакали над книжкой, так думаете уже, что и хорошо?

Таня. А то как же? Или вы не верите в его талант?

Монастырский. А что такое талант, Татьяна Тимофеевна? Мало ли людей и с талантом пропадает, вы сами знаете. Нужна справедливость, Татьяна Тимофеевна, а где она? Нужны добрые, отзывчивые сердца, которые своим теплом согрели бы одинокого человека, нужен просвещённый ум, чтобы понять и оценить, а где все это? Лучше и не ищите, Татьяна Тимофеевна, нигде не найдете.

Паулина (важно). Это – правда. Он правду говорил.

Прелестнов (вдумчиво). Истина святая! Что талант, что добродетель, когда придет любая хрюкающая свинья, посмотрит на тебя и съест! Продолжай,

Егор.

Монастырский. Михаил – человек гордый, он скорее руки на себя наложит, нежели поклонится лишний раз...

Прелестнов. И это не годится!.. извини, Егор.

Монастырский. А как можно жить без лишнего поклона, сами посудите! Там, где мы с вами только улыбнемся на выходку хама, Михаил видит оскорбление святыни и жестоко страдает... эх, к нему и другу-то подойти нелегко! Мне на его бледность и горящие глаза смотреть страшно... говорю все это в сознании, что вы его столь же искренний друг, Татьяна Тимофеевна, как и я.

Паулина (*горячо*). Мы все его друзья, он такой милый студентик!

Монастырский. Выгнанный-с, выгнанный – уволен по причине бедности.

Таня. Он вчера не ел весь день. Сказал мне, что ходил в харчевню, а я знаю, что он никуда не ходил.

Прелестнов. Вот это уже глупо! Егор?! (*Намекает.*)

Монастырский. Попробуй, предложи... он тебе такого предложит!

Прелестнов. Ну, и окончательно глупо... это уже какой-то аристократизм! Извини, Егор, я, может быть, опять ошибаюсь, но, когда товарищеская рука, в порыве благородных чувств, протягивает кусок хлеба...

и отказываться – это уже пошлый аристократизм!

Монастырский. Я то же думаю. Ничего не поделаешь с ним.

Прелестнов. Ты знаешь, я далек от всех этих... утопий, но хлеб, воздух и спиртные напитки должны принадлежать всем, и я не понимаю этого само-о-граничения!

Паулина. Все люди должны кушать.

Монастырский (думая). Значит... значит, он и сегодня не ел?

Таня. Да, Егор Иванович, а вы не думаете... вдруг повесть его взяли и дали ему денег? Егор Иванович, голубчик?

Все немного взволнованы этой мыслью.

Монастырский. Что ж... все может быть. Вот тогда!.. Капитан, – выпьем тогда?

Прелестнов. Я, Егор, больше с горя привык, но могу и с радости... дербалызнем! Но должен сказать откровенно-с, что мне лично произведения Михаила Федоровича Таежникова... что они не в моем жанре-с. Конечно, слезы, но... зачем так грубо? Зачем эта низменная проза? Конечно, талант, и теперь вообще такое направление, чтобы непременно какую-то пр-а-авду и чтобы даже хрюкающая свинья нашла свое, так

сказать, свое отражение в искусстве изящной словесности... но где же тогда изящество? Где же тогда полет и вообще благородство? Маркиз Поза⁶ гражданин вселенной – это я понимаю. Это-с внушает мне трепет, и я!.. а ежели вы мне опять про водку, да опять про наши свинства, да – опять...

Монастырский. Погоди, Гаврюша: он и тебя выведет.

Прелестнов. Меня? (*Несколько опешив.*) Но с какой же стати? Надеюсь, – не для обличения? Конечно, ежели в благородном виде как жертву семейных обстоятельств... нет, ты шутишь, Егор!

Все смеются, даже Таня.

Монастырский (*серьезно*). Татьяна Тимофеевна, хотел я вас спросить: гости сегодня у Михаила не бывали?

Таня (*удивленно*). Какие гости? У него, кроме вас, никто не бывает. Но... Неужели?! Егор Иваныч, они?

Монастырский (*несколько смущенно*). Дач; Генеральша Тугаринова с дочерью Раисой. Встретили ме-

⁶ *Маркиз Поза* – герой романтической драмы Ф. Шиллера (1759–1805) «Дон Карлос» (1783–1787) маркиз де Поза, мальтийский рыцарь, «гражданин мира», мечтавший о преобразовании человеческого общества и пожертвовавший своей жизнью во имя дружбы.

ня третьего дня на улице, мы с капитаном шли, и хотя сперва отвернулись весьма презрительно, – уж очень оборван я! – но потом сообразовали вступить в беседу и спросили адрес.

Таня (*всплескивая руками*). И вы дали? Ах, Егор Иваныч, что же вы сделали! Он их видеть не хочет, слышать о них...

Монастырский (*пожимая плечами*). Что ж поделаешь – родственники.

Прелестнов (*вставая*). И весьма важные, должен засвидетельствовать. А дочь красавица, и если бы Михаил Федорович господин Таежников был не таким беспочвенным идеалистом...

Монастырский. Гавриил!

Прелестнов. Кес-ке-се? Же компран⁷, не беспокойся. Но Егор прав: такими родственниками пренебрегать нельзя, и засим... чрезвычайно жаль прерывать столь интересную беседу, но в «Палермо» у меня назначено randevu... с одним мошенником! как он разбивает прирамидку! – на два слова, Егор.

Паулина. Я тоже ухожу с вами. Мне пора. (*Нежно целуется, прощаясь, с Таней, что-то шепчет ей успокоительное.*)

Капитан отвел в сторону Монастырского.

⁷ Что такое? Я понимаю (от фр. Qu'est-ce que c'est? Je comprend).

Прелестнов (*душевно*). Ты же приходи, Егор! Я без тебя вроде бездыханного трупа. Понимаешь: хранилища пусты, как... Сыграем, выпьем! Я сегодня в таком ударе!..

Монастырский. Хорошо, приду. Честное слово, приду. Ты пока закажи там графинчик...

Прелестнов. Егор, ты и сам не подозреваешь, до чего ты прекрасен!.. Татьяна Тимофеевна, позвольте пожелать...

Паулина. Прощайте, Егор Иванович.

Уходят. Капитан вежливо открывает даме дверь. Здесь недолгое молчание и возмущенное восклицание Тани.

Таня. Как вы могли сделать это, Егор Иванович? Они злые люди. И Раиса Филипповна – злая и вредная. (*Горько.*) Конечно, красавица!..

Монастырский. Не столько злые, сколько надменные и непонимающие.

Таня. Они оскорбили Михаила Федоровича!

Монастырский. Тем, что на конце стола-то посадили как бедного родственника и унизили перед гостями? Не в этом дело, Татьяна Тимофеевна, это только предлог.

Таня. А в чем? Она его не любит, она лжет про свою любовь.

Монастырский. Кто знает!

Таня. И Михаил Федорович не любит ее, он сам мне сказывал. Это она хочет, чтоб он покорился ее красоте, а он никогда не покорится, никогда!

Монастырский (*мягко*). Кто знает!

Таня. Она как рабу бросает ему свою любовь, а он никогда не был рабом и не будет! Видно, вы плохо его знаете, Егор Иваныч!

Монастырский. Это его слова про «раба»? Узнаю Мишу по его стилю... не ваш это стиль, Татьяна Тимофеевна. И скажу вам серьезно: кто мы такие, чтобы вмешиваться во все это и решать по-нашему?

Таня. Дальше. Вы его друг, а я?..

Монастырский. Кто мы такие, чтобы в столь важный и таинственный вопрос, как любовь двух молодых и прекрасных людей – правда, быть может, излишне гордых – вводить наши маленькие соображения?.. Что вы, Татьяна Тимофеевна?

Таня (*бледная, улыбаясь искаженной улыбкой*). Я? Ничего. Вы напрасно стесняетесь, Егор Иваныч, и зовете меня по отчеству: на Гороховой меня просто кличут Танькой...

Монастырский. Татьяна Тимофеевна!

Таня. С гулящими девушками не стесняются, Егор

Иваныч. Кто вы сами такой, чтоб в этом разбираться: и почему я на улицу пошла, и куда моя красота девалась, и на чей хлеб мои позорные деньги идут... вы не Бог, чтобы судить и вмешиваться! Если вы и гулять меня с собой позовете, так и тогда я не имею права обижаться, а вы: Татьяна Тимофеевна!.. Просто Танька, Егор Иваныч.

Монастырский. Как вам не совестно! Как вам не совестно! Как вам не... совестно!

Мальчишески всхлипывает и отходит в угол, стоит, отвернувшись. Таня молча плачет. На улице еще светло, но в комнате потемнело, в углы набивается мрак. Молчание.

Таня (тихо). Христа ради... простите меня, Егор Иваныч.

Монастырский. Ничего. *(Подходит.)* Сестричка вы моя...

Обнимает ее, приглаживает волосы. Так некоторое время тихо сидят.

Таня (тихо). Неужели я так погибла... скажите, Егор Иваныч?

Монастырский. Не погибла, не погибла – зачем по-

гибать? Эх, нищета проклятая, и кто тебя выдумал! Погодите, Танечка, погодите, не век же мы с Мишей будем нищенствовать... вон, говорят, у меня голос хороший, недавно один купец внимание обратил. Погодите, еще так заживем... (*Угрюмо.*) Если только сам до того времени не сопьюсь, не погублю души в зелене-вине. Эх... одна дорога торная открыта к кабаку!⁸

Таня. Не пейте, Егор Иваныч.

Монастырский. Нищие мы, оттого я так и говорил давеча... вредны мы для Миши. Нищие мы и горькие, и нельзя ему нас любить... что ему дадим? Мы, нищие Да убогие, как трясина бездонная, по которой броду нет: или по краюшку ходи, или засосем до самой смерти, тут ему и погибель...

Молчание. За стеною продолжительный кашель Елизаветы Семеновны, здесь такой же продолжительный и тяжелый вздох Тани.

Таня (*тихо*). А Христос любил. «Прийдите ко мне все, труждающиеся и обремененные»⁹...

Монастырский. Христос! Так есть ли на свете му-

⁸ Эх... одна дорога торная открыта к кабаку! – слегка измененная строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Пьяница» (1845).

⁹ «Прийдите ко мне все труждающиеся и обремененные» – слова Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, гл. 11, стих 28).

ки, горше Христовых? И можно ли человека обречь на такие страдания – подумайте, Танечка!..

Молчание.

Таня. Я очень хочу, чтобы Раиса Филипповна была хорошая... она такая красавица. А вы?

Монастырский. Я тоже хочу.

Молчание. Перед дверью шаги, кто-то в темноте нащупывает ручку.

Это Михаил! Вы же ничего не говорите, Таня.

Входит Таежников, не замечая сидящих, проходит к себе. По привычке, сперва зажигает лампочку, потом сбрасывает на постель плащ и шляпу и туда же кидает возвращенную рукопись. Таня тихонько выскальзывает в соседнюю комнату. Таежников вздрагивает и невольно прикрывает рукопись концом плаща. Он бледен, утомлен, борода углем чернеет на исхудалом лице.

Таежников. Кто тут? Вы – Таня?

Монастырский (выходя). Нет, это я. Здравствуй, Миша. Ну, как, брат, дела?

Таежников (сухо). Хороши.

Монастырский (как бы не замечая рукописи, кончик которой торчит). В редакцию захаживал?

Таежников. В редакцию. А что?

Монастырский. Да ничего, так спрашиваю. Тут капитан был, да не дождался тебя, ушел. Долго ты что-то!

Таежников. Гулял.

Монастырский. Вечер действительно... Миша, может быть, мне лучше завтра зайти?

Таежников. Да, это лучше будет. Завтра зайди.

Молчание. Таежников упорно смотрит в стену.

Монастырский. Миша, пойдём в «Палермо»!

Таежников. Нет.

Монастырский. Посидим, графинчик раздавим... закусим. У них орган хороший, музыку послушаем. Я сегодня за двое похорон пять серебром схапал. Пойдем, тебя капитан очень звал... знаешь, у него новая теория, что хлеб, воздух и спиртные напитки должны принадлежать всем.

Молчание. Монастырский встает и покашливает.

Ну, Бог с тобой. Значит, завтра зайду... прощай, Мишук.

Таежников. Прощай. – Егор.

Монастырский. Что, голубчик?

Таежников. Надсадил голос?

Монастырский. Кха... вчера, выпивши, многолетие возглашал и вот, того... да у меня голос крепкий, выдержит.

Таежников. Рассчитываешь? Брось, Монастырский, ты уже пропил его наполовину. *(Усмехаясь.)* А дела хочешь – возьми фомку и иди с капитаном на Невский, банкирскую контору взломай. Вернее будет.

Монастырский. Оно вернее, да... кха... полиции боюсь, Миша. Так не пойдешь? Ну ладно, до завтраго, значит. *(Уходит.)*

Таежников один, кладет голову на руки и застывает в неподвижности. В соседнюю комнату давно вошла Таня, прислушивается к движениям студента. При наступившей тишине вздрагивает, как от холода, и нерешительно окликает: «Михаил Федорович!»

Таежников. Таня... ну что? Да войдите сюда. Ну что? – садитесь.

Таня. Отец не пришел.

Таежников. А!.. Глаза заплаканы. Так. Что ж, будем воевать, веревок только припасите. И значит: не бы- вать бы счастьем, да несчастье помогло – не работае- те сегодня? Ночь-то, я говорю, дома, у семейного оча- га?

Таня. Дома. У Сенички жар, бредит.

Молчание. Недалеко, на пустыре, поют пьяные фабричные.

Таежников. Фабричные гуляют. Весело!

Таня (вставая). Я вам не мешаю, Михаил Федоро- вич?

Таежников. Сидите. (Хмуро.) И что у вас за рабья привычка, Таня, всегда спрашивать, не мешаете ли вы! Кому и чему вы можете помешать? Вы тихи, как мышка...

Таня (улыбаясь). Не все любят мышей, я сама их боюсь...

Таежников (морщась). Ах, какой вздор! Вы ужас- ный, вы мучительный человек, Таня, и я вас покорней- ше прошу обратить на это внимание. Что вы улыбае- тесь? И неужели у вас нет другой улыбки?.. Вы не ан- гел, Таня, и вы даже не святая, чтобы так улыбаться, – вы...

Таня (поспешно). Да, я знаю... не надо, Михаил Фе-

дорович. А рукопись вернули?

Таежников. Вернули.

Молчание.

Таня. Не надо отчаиваться, Михаил Федорович. Я бы на вашем месте села и дальше писала, вы такой... способный!

Таежников (сухо). Я не отчаиваюсь. Таня, послушайте... как-то так случилось, что я вас еще ни разу не видал за... работой, то есть на улице – вы понимаете? Скажите, пожалуйста: вы и там такая же? И как они, кого они больше предпочитают, таких вот покорных и безгласных или дерзких, нарумяненных? Да, разные вкусы, конечно. А водку вы также пьете?

Таня. Пью немного... Без водки страшно.

Таежников. Ну, еще бы! Для того она и существует, чтобы рабам и подлецам не так страшно было. Без водочки-то совсем бы плохо, Таня, а? Без водочки, пожалуй, скорее бы в Неву, нежели... а?

Таня. Зачем вы мучаете меня, Михаил Федорович!

Таежников. Вас? (Усмехаясь.) Вы полагаете, что я вас мучаю? Нет, это я черта вызываю... это вроде заклинаний для черта, как у древних алхимиков.

Таня. Вы не верите в черта.

Таежников. Как же я могу не верить, когда я только

сегодня его видел? Ну да – сегодня в редакции меня черт принимал: попервоначально я обманулся, думал, что настоящий редактор, а потом взгляделся, батюшки: хвост!

Таня. Хвост?

Таежников. Да-с, хвост. И это пустяки, что черт любит тьму: он больше всего любит наши белые ночи. Он и сам, как белая ночь... этакая бесцветная каналья! Мы с ним потом долго гуляли. На мосту стояли. В Неву глядели. *(Усмехаясь.)* Да-с, и в Неву глядели. Ну – что?

Таня *(робко)*. У вас такие глаза...

Таежников *(хмуро и сердито)*. Извините, Татьяна Тимофеевна, но терпеть не могу, когда говорят про мои глаза, вам это известно. Что, опять мучаю? Тогда вот что: я нынче как-то не успел того... забежать поест, так если у вас найдется...

Таня *(радостно)*. Я сейчас. Вы такой хороший, Михаил Федорович!.. *(Быстро выходит.)*

Таежников усмехается, потом снова впадает в глубокую задумчивость. Таня приносит на тарелке ломоть хлеба и котлетку: последнюю Таежников откладывает в сторону.

Таня. Сеничке, кажется, лучше, дышит спокойнее.

А что же котлетку, Михаил Федорович? Вы только затем кушаете, чтобы мне приятно было.

Таежников (*хмуро*). Вздор-с, нелепая сентиментальность. Ем потому, что хочу есть, а мяса не люблю. (*Ест.*) Я о славе думал. Хорошая вещь слава, Таня?

Таня (*робко*). Я не знаю.

Таежников. Хорошая, хорошая, мне и черт так говорил, когда мы в Неву глядели... (*Переставая есть.*) Ах, как мне мучительно, Танечка! Мучительно! Неужели я бездарен, как они все мне твердят? Бездарен, бессилён, бесплоден – ах!.. (*Встает и ходит по комнате, бледный, с неестественно горящими глазами.*) Или только благие порывы мне суждены? Бессилён, бездарен! Но ведь я же чувствую этот огонь... этот огонь, и я же, я одной рукой могу... могу... сломать, разрушить всю эту... всю эту! Мне бы только раскрыть... (*царапает грудь согнутыми пальцами*) мне бы только раскрыть это, и тогда я скажу... я такое скажу! (*Замирает с гневом и мощно поднятой рукою. Видит восторженно-испуганное лицо Тани и, усмехнувшись криво, опускает руку. Сквозь зубы.*) Так сказал нищий студент Таежников, которому возвратили рукопись, и он – обижен. Ужасно все это глупо, Таня, глупо и мелко, как плохая мелодрама, которые французы пишут для своих театров. (*Хмуро.*) Иногда я ужасный позер, Таня, и мне просто жаль, что вы да-

ли мне этого хлеба... что это, вы плачете? Таня!

Таня тихо плачет. Молчание. Открывается дверь в подвал, и на пороге показывается пьяный и растерзанный Горожанкин. Лицо его красно и свирепо, глаза хитры и подозрительны, на бритых губах лукавая и злая усмешка. Мгновение слушает тишину дома – и с наслаждением, свирепо и победительно орет.

Горожанкин. Лизка!.. Танька!..

Занавес

Действие второе

Летний Петербург.

Небольшой пустырь («сие место продается») среди каменных глухих стен многоэтажных домов, близко к окраине города. С двух сторон сходится дряхлый, наполовину поломанный забор, где лазы на пустырь; за забором, в пыльно-розоватой дали, гладкие и немые стены высокого дома с оштукатуренной полосой от труб. Вдали одинокая, большая полузасохшая береза с редкой листвой по одну сторону ствола; еще дальше три подряд, разного роста, фабричные дымогарные трубы, над которыми стелется легкий дымок. Высокое предвечернее небо белесо, и еле проступает в нем синева; за забором на улице редкие звонки конки. На пустыре грязно: мусор, известка, груда потемневших досок и бревен от старых лесов, мелкий кирпич. Местами земля вытоптана и приглажена ногами гуляющей по праздникам бедноты, местами пробивается пыльная трава, зеленея гуще под черным сводом досок. Ключки бумаги, коробки от папирос, подсолнечная шелуха. По свисткам пароходов чувствуется близость Невы. На досках, а то и прямо на земле расположилась гуляющая компания: Таежников,

очень веселый, Таня и Паулина, капитан Прелестнов и Монастырский, нынче получивший денег и угощающий. Бутылки пива, стаканы, дешевая закуска. Монастырский и капитан выпивши.

Прелестнов. Сказано бо: враги человеку домашние его¹⁰. Переходя от аллегории, так сказать, к презренной прозе, поясню в том смысле, что, вырвавшись из недр семьи, – наслаждаюсь, как бутон. Егор! – еще фиал пива!

Монастырский (*наливая*). Жизнь в трезвом состоянии куда нехороша... Миша, я налил тебе!

Паулина (*капитану*). Но вы же постоянно пель, что ваша жена в гробу, и еще просиль Бога, чтобы она не возвращалась сюда... тогда я не понимаю!

Прелестнов. Увы! Так прелестно выразился лишь поэт. Она – не в гробу!

Паулина. Фи! какой он смешной! Каптэн, но неужели она бьет вас, вы такой большой?

Монастырский. Бьет. При мне била.

Прелестнов. За ваше здоровье, медам, за процветание! Бьет-с, и притом всякого рода оружием, холодным и горячим, включая утюг и кочергу. Враги человеку...

¹⁰ ...враги человеку домашние его... – слова из Евангелия (Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 36).

Паулина. Но вы же военный, фи!

Прелестнов. Единственно по причине моего рыцарского характера. Кто смеет посягнуть на Гавриила Прелестнова? Никто. Сей головы не дерзнули коснуться ни венгры, ни турки – вот он в полной своей и девственной округленности, – но что могу возразить даме? Я рыцарь, медам. Монастырский, друг, еще фиал пива!

Монастырский. Пей, – рыцарь печального образа¹¹. Миша, похож он на рыцаря печального образа?

Прелестнов. А хотя бы даже и печального? Не вижу в том позора. Эх, судари мои! Не всегда был печален Гавриил Прелестнов, и на нем-с отдыхали взоры фортуны!..

Монастырский. Не ври, Гаврюша, фортуна слепая.

Прелестнов. Что-с? Ну так это она потом ослепла, потому что не всякий может выдержать этот блеск! эту... эту эту игру красок! этот ансамбль свойств и добродетелей. Моя душа отдыхает, Егор, умоляю, не

¹¹ «*Рыцарь печального образа*» – Дон Кихот – герой знаменитого романа Мигеля Сервантеса де Сааведра (1545–1616) «Славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский», необычайно популярного в России XIX в. К образу Дон Кихота обращались в своем творчестве В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский и Ф. М. Достоевский. В романтической литературе один из наиболее значительных образов носителей философии «мировой скорби».

окисляй мне пива твоими гнусными намеками. Сударыня – по фиальцу?

Монастырский. Веррно, капитан. По фиалу! Играй, Адель, не знай печали¹² – Хариты, Лель – тебя венчали... Нет, он прав: какое счастье вот так распахнуться и вздохнуть всею грудью. Какой воздух, Миша! После наших душных палат не кажется ли тебе благовонным бальзамом, струящимся, как... как...

Таежников. Как эфир.

Монастырский. Как эфир! А небеса? Господа, предлагаю всем лечь на спину и глядеть в небо: какой простор, какая глубина! Капитан, ложись, какого черта!

Все ложатся на спину и смотрят, кроме Прелестнова.

Прелестнов. Не могу. Никогда не служив по морскому ведомству, всю мою жизнь страдаю морской болезнью. Лучше ты рассказывай, что там, а я послушаю... *(Наливает пива.)* Хорошо там, брат!..

Паулина *(вскрикивает)*. Ой! Я не понимаю, где я, сверху или внизу. Ой, я сейчас упаду туда... *(Садится и с недоумением озирается.)* Я не понимаю...

¹² «Играй, Адель, не знай печали...» – романс М. И. Глинки на слова стихотворения А. С. Пушкина «Адели» (1822).

Прелестнов (*деликатно*). Головка закружилась? Вот это-с и есть, так сказать, опасность воздухоплавания... прошу освежить уста. Егор, слезай-ка и ты с неба, а то также свалишься... что, ошалел?

Монастырский (*садясь*). Ошалел. Опять, значит, на земле?

Прелестнов (*иронически*). Не узнал?

Монастырский. Не узнал. Главное, твоей физиономии не узнал. Кто ты, божественный красавец? Не Адонис¹³ ли?

Паулина. Я тоже раньше не видель, какой у каптэна красный нос. Каптэн, отчего у вас такой красный нос?

Монастырский. Это его золотят лучи заходящего солнца. Не нос, а купол!

Прелестнов. Но, но! Просто сильные морозы, так сказать, опалили эту часть и... при чем же тут купол!

Таня. Вам хотелось бы лететь, Михаил Федорович?

Таежников. Хотелось бы, Таня. Молчите – и будем лететь.

Прелестнов (*поднимая стакан*). Итак! За твоё здоровье, Егор, – теперь мы все должны пить за твоё здоровье, чтобы оно, так сказать, окрепло. Крепкое здо-

¹³ *Адонис* – в греческой мифологии прекрасный сын Мирры, превращенной богами в дерево. Младенец, рожденный мировым деревом, отличался редкой красотой.

ровье – основа богатства. Кто ты теперь, вдумайся? Ты теперь – хорист в оперетке, черт возьми, на тебя публика смотреть будет. Публика – и даже бинокли. Как называется этот сад, где оперетка твоя?

Монастырский. «Кинь-грусть».

Прелестнов. Какое имя! Ведь я в этот сад только через забор могу попасть, а ты там свой человек, без тебя и музыка играть не начнет! Нет, каково? Давно ли я знал тебя презренным пьяницей, готовым за целковый отпеть любого толстопузого мошенника, а кто ты ныне? Голова кружится! – Сколько авансу?

Монастырский. Пятнадцать рублей.

Паулина. Ого, сколько! Молодец!

Прелестнов. Пятнадцать рублей одного авансу-неизвестному человеку, который может еще и *сбежать*, подозрительной личности в испанской шляпе! Извини меня, Егор, ты знаешь, как я уважаю тебя и горжусь нашей дружбой, но ты же подозрительная личность! Другого красят борода или усы, а у тебя и этого нет! (*Таинственно.*) Я даже боюсь, Егор: нет ли тут ошибки? Хорошо ли тебя рассмотрел твой амфитрион¹⁴? Не близорук ли он?

¹⁴ *Амфитрион* – в греческой мифологии царь Тирнифа. В новой литературе благодаря трактовке образа Ж.-Б. Мольером стал синонимом гостеприимного хлебосольного хозяина («Настоящий Амфитрион – Амфитрион, у которого обедают»).

Монастырский. *Постой-ка... что я вижу! (Встает и срывает невдалеке чахлый цветочек.)* Миша, я цветок нашел! Позвольте, фрейлейн Полина, поднести вам... приколите!

Паулина *(краснея).* О, мерси, благодарю. Какой милый цветочек... Таньхен, цветочек!

Таня *(садясь).* Михаил Федорович, они цветок нашли! Посмотрите!

Таежников *(вставая).* Откуда еще цветочек?

Все рассматривают и нюхают бледный и пыльный, без запаха цветок.

Недурен цветочек. Крепче держите его, Полина, а то Татьяна Тимофеевна отнимет.

Паулина *(прижимая руки к груди).* О! Я не дам.

Таня. Я пойду искать себе. Я и не знала, что здесь есть цветы, надо Сеничку послать... *(Отходит.)*

Прелестнов. Ты любимец муз, Егор. Получив аванс, ты и на этой скудной ниве срываешь розы... о изменчивая богиня счастья, фортуна! Наполним фиалы!

Таежников присоединяется к Тане, безуспешно ищущей цветок. Останавливаются недалеко, возле груды досок. Монастырский, аккомпанируя на гита-

ре, поет чувствительный романс, к нему присоединяются охрипший тенорок капитана и контральто Паулины; поют тихо и складно.

Таежников. Не ищите напрасно, Таня. На этой скудной ниве, как верно выразился пьяный капитан, вы не найдете живых цветов. То – мертвый цветок: разве вы не заметили, как бледны его лепестки, как безжизненно его чахлое лицо? Присядем здесь.

Таня. Вы были такой веселый... что опять случилось с вами?

Таежников. Я не знаю, Таня. Но, когда я смотрел в небо, какое-то темное предчувствие шевельнулось во мне... точно чье-то черное крыло на мгновение закрыло синеву и смятением наполнило мою душу. Какое-то несчастье ждет меня, Таня.

Молчание. Таежников задумался. Таня беспокожно и ласково смотрит на него.

Таня. Что с вами, милый... Михаил Федорович? Вы еще никогда не говорили так.

Таежников. Разве никогда? Да, я многого совсем не говорю... и многое говорю не так, как надо. Кто я – злой или добрый, разгадать мне это?

Таня. Сегодня вы добрый, как... как...

Таежников (*улыбаясь*). Почти как вы – да. Не знаю, почему, но нынче все время я чувствую за собою благодостную и печальную тень одной женщины. Нет, не думайте... я говорю про мою умершую мать, о которой я также никогда не говорил вам. Зачем она пришла? Что она хочет сказать мне?

Таня (*тихо*). Она часто приходит?

Таежников (*также тихо*). Нет. Таня, а что, если я скоро умру? Вы и представить не можете, до чего иногда я боюсь смерти – до ужаса, до подлости! Мне так много нужно сделать, но вдруг она раньше схватит и перервет мою глотку... это мой враг, Таня. Это она так жестоко иссушает мою душу и пьет мою кровь, это она в зародыше губит цветы моих творений, это она не хочет, чтобы я стал... (*тихо*) великим. Она убьет меня! Вы знаете, что однажды я уже стрелял в себя, вот сюда, вот в это место. Кто тогда поднял на меня мою руку? А если опять? Ведь так трудно, так страшно жить, Таня!

Таня (*складывая руки, как на молитве*). Если вы умрете, я тоже не останусь жить.

Таежников (*рассеянно, не вникая в смысл*). Да? Вы добрая, Таня. (*Хмуро.*) Ну, довольно. – Хорошо они поют.

Таня. Хорошо.

Таежников. И почему капитан старик и уже скоро

должен умереть, когда он еще ребенок? Лысый, пьяный, красноносый ребенок. А Монастырский и вовсе не пьян, он ведь хитрый, Таня. Он только еще боится поверить в свою фортуна, а когда поверит...

Таня (*оглянувшись, вскрикивает*). Ванька идет! О Господи!

Отодвинув доску, на пустырь пролезают трое пьяных фабричных; у одного, Ваньки, гармония, на которой он немедленно начинает пиликать. Приближаются к Паулине и остальным.

Паулина. Ванька!.. Ой, я боюсь. Егор Иваныч, я боюсь, он меня убьет. Я ему соврала, что дома буду.

Прелестнов (*выступая вперед*). Позвольте!.. Эй, посушите, вам что здесь надо? Место занято нами, проваливайте, друзья.

Ванька (*переставая пиликать и с усмешкой переглядываясь со своими, нагло*). Это кто же его занял? Ты, что ли?

Прелестнов. Не ты, а ваше благородие... ск-а-ти-на!

Ванька. С морды-то будто и не похоже на благородие, а скорее свинья на огородив!..

Хохочут. Ванька пиликает.

Прелестнов. Это... это черт знает, что такое! Какая-то наглая харя... пароль донер!

Ванька (*переставая пиликать*). Пороли не пороли, а не ты на козлы клал, благородие красноносое! Митька, гляди – и твоя Танька тут... вот так баре, всех наших девок забрали. Полька! – ты это что же, а? Пошла домой, а то гармони не пожалею, сейчас об твою голову разобью! Ну?!

Паулина. Ой, не надо, Ванька! Я пойду!

Ванька (*пиликаая*). Или три рубля давайте, слышали? Даром грабить себя не позволю.

Митька (*хрипло*). И пять дадут, как морды считать начнем.

Прелестнов (*краснея и надуваясь*). Послушай, ты... червяк! Вон отсюда! Сейчас хожалого¹⁵ позову.

Ванька (*бросая гармонию*). Скорее зови.

Быстро бьет Прелестнова, и тот валится. Смутно понимая, в чем дело и отчего он упал, на карачках отползает в сторону.

Пьяные хохочут.

Куда же вы, ваше благородие? Посидели бы с нами. – Дай гармонь, Степа.

¹⁵ *Хожалый* – полицейский солдат, городской.

Митька (*хрипло*). В Киев на богомолье пополз.

Хохочут.

Таежников (*дрожа от гнева и невольного страха*).

Ах, негодяй!

Таня (*не пуская*). Михаил Федорович! Я не пущу, они вас убьют.

Ванька. Смотри, Мить, барин-то к твоей приспособился, хлеб отбивает. Стыдно, барин!

Таежников. Молчать!

Ванька (*весело*). Да ты что из-за досок кричишь, какой храбрый? Ты сюда выйди, а? Сюда-то не хочешь – не ходи, мы сами к тебе придем. А гитара еще чья?

Монастырский (*хрипло*). Моя.

Ванька. А ты еще откуда появился, сирота казанская? Твоя, говоришь? Ну – помяни ее во царствии небесном.

Бьет гитару ногой. Хохот.

Монастырский. Ты гитару? Ты... мою... гитару?! А?!

Ванька (*важно*). Не ори. (*Пиликает.*) Полька, ты скоро?

Монастырский. Полька?.. Ах?!

С невнятным и грозным ворчанием набрасывается на пьяных, в три-четыре удара разносит их. Убегают за угол, он их преследует. (Эту сцену желательно провести возле кулисы, так, чтобы самая драка происходила за глазами зрителей.) Крики, ругань, топот, постепенно затихающие.

Паулина. Ой, боюсь! Ой, молодец-молодец! *(Бьет в ладоши.)* Ага, Ванька!.. Так, так!..

Прелестнов *(сидит на земле, восторженно поощряет).* Так их! Ага! Бегут! Гони их! Ага! Молодец Егор, постоял!

Монастырский *(весь взъерошенный, возвращается, поднимает гармонию и с размаху бросает ее вслед убежавшим).* Гармонию возьми! Ах, черти пьяные... гитару, а?

С волнением разглядывает гитару. Паулина также. Капитан, поднявшись, несколько ошалело оглядывается и торжествующе грозит кулаком куда-то вдаль.

Прелестнов. Подлецы! Хамы! *(Объясняет, отряхиваясь.)* Конечно, я упал, да и всякий благородный человек на моем месте упал бы – верно, Егор? Нет,

какое свинство. Без объявления войны... и, так сказать, вторгся в пределы!

Монастырский (*кладя гитару*). Нет, ничего, пустяки... от трещинки-то она еще лучше зазвучит, как заклеим. Испугались, Полина Ивановна?

Паулина. Вам больше гитару жалько, чем меня. (*Губы ее дрожат.*) Ванька меня убить хотел, а вы... гитару. Какие все люди плохие!..

Монастырский. Ну что вы, Полина Ивановна! Да разве я допустил бы! Он и Мишу оскорбил, такой хам. А про гитару я потому, что это, если можно выразиться, наиболее доступное и вообще... Какой я рыцарь, Полина Ивановна, это мой Гаврюша рыцарь, а я... да-с. Ну, а за гитару свою всякий имеет право, гитара – это... (*Испуганно.*) Миша! Что с ним?

Таежников, молча, горящими глазами наблюдавший за схваткой, заметно бледнеет; в момент последующего разговора с ним делается дурно, на мгновение он теряет сознание. Таня в страхе зовет.

Таня. Егор Иванович, скорее! Ах, Боже мой, что с ним... Михаил Федорович, очнитесь.

Монастырский. Эка! Надо воды ему. Миша!

Прелестнов. Пройдет-с, это временное. Попал, так

сказать, в сферу огня и... Но какой чувствительный юнец, падает в обморок, подобно кисейной девице...

Монастырский (*сердито*). Молчи, ты! Эта девица десяток таких, как ты, проглотит и не поморщится... А что он даже запаха хамства не выносит, что даже намек на оскорбление... Нет, Таня, голову ему держать не надо. Миша, а Миша? – Не всякий, брат Гавриил, способен на четвереньках вокруг света проползти...

Паулина (*смеется сквозь слезы*). Ой, какой он был смешной!

Прелестнов (*приосанившись*). Нет – ты это серьезно, Егор? Жаль, очень жаль!

Монастырский. Отстань. – Миша, ну как?

Таежников (*очнувшись*). Ничего. Нервы... Фу, как это нелепо... дай мне водки немного.

Монастырский. Нету, Миша, всю вылакали, а вот пивка... это тоже, брат, помогает, пей, пей. Что морщишься – теплое?.. вот так, вот и хорошо, щечки-то и порозовели. А гитара-то цела, Миша!

Паулина. Ванька такой разбойник, его в тюрьму надо.

Таня (*тихо*). Может быть, мне лучше уйти, Михаил Федорович?

Таежников. Почему?

Таня. Так. Правда, они все пьяные, но... Он так называл меня перед вами, и, Может быть, мое присут-

ствие теперь неприятно? Лучше я уйду...

Таежников (*скрипнув зубами*). Оставайтесь! И сколько в вас, Таня, этой рабьей покорности, невыносимого смирения... ну, что вы улыбаетесь?

Таня. Так.

Таежников. Так! Поймите же, Таня, что вы не ангел, чтобы так улыбаться, не святая...

Монастырский. Миша! А ты видал нашего героя, как он на четвереньках полз?

Прелестнов. Но, но!..

Все громко и немного истерически хохочут.

Смешно?

Хохот сильнее.

Свинство, господин студент! Свинство! И ты, Егор... мог ли я ожидать, чтобы дружба, это священное чувство... Прощайте! (*Дрожащими руками нахлобучивает фуражку.*) Честь имею!

Монастырский. Да куда ты?

Прелестнов. В другое место, где если и не уважают седин, то и не смеются над ними. Вам смешно, что пьяный безобразник ударом своего грязного кулака сбил с ног у... утомленного старца? Вам, судари

мои, потешно, что человек, имеющий от роду шестьдесят лет, не вступил в драку с фабричным Геркулесом... да-с! – и на четвереньках, в жалком и позорном виде, подобно пресмыкающемуся раку, влача, так сказать, во прахе свои седины... Нехорошо-с, судари мои, недостойно современной молодежи, когда великие учителя наши, Грановский¹⁶ и г. Некрасов, и сам неистовейший¹⁷ Виссарион... Недостойно-с!

Таежников (*хмуро*). Прошу у вас извинения, капитан. Искреннейше и почтительно от лица всех прошу простить нас, капитан. И, если вы окажете мне честь и протянете вашу руку в знак примирения...

Прелестнов. Что я слышу!

Монастырский. Верно. Извини меня, Гавриил... знаешь, как-то скотинеешь от этой водки... извини и протяни руку!

Прелестнов (*одновременно всхлипывая и смеясь*). Что я слышу? Друзья мои! Современная молодежь! Учителя наши, го... господин Грановский и Николай Алексеевич Некрасов... Нет, не могу. Наполняй фиалы, Егор! За современную молодежь! За честный труд

¹⁶ *Грановский* Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк, профессор Московского университета, ратовал за просвещение и свободу личности.

¹⁷ *Неистовейший Виссарион* – Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), прозванный так современниками за страстную непримиримость по отношению к позиции своих противников.

и священные лозунги наших надежд!

Все серьезно пьют.

Монастырский. Идет!.. Миша, подтягивай. (*Поет.*)

Смело, братья, ветром полный,
Парус мой направлю я...
Полетит на быстры волны
Быстрокрылая ладья!.. Полетит...¹⁸

Все подтягивают. Таежников поет так, будто молится, наивно и почтительно смотря в рот Монастырскому.

Монастырский.

Там, за далью непогоды
Есть блаженная страна...

Поют. Со стороны забора, где калитка, появляется необычное шествие: генеральша Тугаринова, важная и, видимо, взволнованная дама, ее дочь, красавица Раиса Филипповна, и горбатый Сеничка, ведущий их. С удивлением смотрят на поющих, кото-

¹⁸ «Смело, братья, ветром полный...» – второй куплет из песни «Пловец», музыка К. П. Вильбоа, слова Н. М. Языкова.

рые их не замечают.

Сеня. Вот они, я говорил, что они тут. Таня! Таня *(вскрикивает)*. Михаил Федорович, смотрите!

Пение обрывается.

Тугаринова. Нет, что это за концерт? Куда ты ведешь меня, Раиса? И Мишель... Что это, Боже мой!

Раиса *(усмехаясь)*. Успокойтесь, мама. Возьми это, мальчик, и ступай. Здравствуйте, Мишель. Извините, что мы помешали... здесь так весело, но на вашей квартире нам сказали, что вы здесь, и этот горбатенький...

Таежников. Его зовут Сеней.

Раиса. Вы по-прежнему любитель номенклатуры? Здравствуйте, Монастырский.

Монастырский неловко шаркает. Несколько смущенный капитан, Паулина и Таня отходят в сторону; Таня, тихонько уговаривая, выпроваживает Сеню, которому хочется поглядеть.

Тугаринова *(нервно играя лорнетом)*. Очень жаль, что мсье Монастырский не предупредил нас, какое общество мы можем встретить...

Раиса. Он предупреждал, мама.

Тугаринова. Но я этого не слыхала! Что это, бутылки, да вы пьяны, Монастырский, у вас возбужденные глаза!

Монастырский. Помилуйте! Кха... прекрасная, знаете, погода... мы только пиво пили.

Тугаринова. Пиво? Нет – и что это за место? Раиса, я, наконец, прошу тебя объяснить... Здравствуйте же, Мишель!

Таежников (*насмешливо*). Здравствуйте, тетенька!

Тугаринова (*растерянно*). Тетенька? Но... Но какая же я вам тетенька? Наше родство так отдаленно, и вообще вы никогда не позволяли себе афишировать... тетенька! Какое мещанство!

Раиса. Мама!

Тугаринова. Но позволь же и мне сказать, Раиса! И если уж по твоему капризу нас завели в такое место, где меня зовут тетенька, то имею же и я право... Мишель! Как я уже писала вам, вы не должны так амбициозно относиться к тому случаю, ну – прискорбному случаю, если хотите. Глупый лакей перепутал места за столом, и, наконец, я же извинилась. И мой муж, а ваш благодетель, генерал Филипп Григорьевич, да, благодетель... Что это за неприличный смех, Мишель?

Таежников громко смеется. Монастырский неодобрительно качает головой и делает предостерегающие знаки.

Нас здесь оскорбляют!

Раиса *(спокойно, слегка презрительно)*. Никто нас не оскорбляет, мама. Монастырский, будьте любезны, попросите маму и отойдите немного в сторону: мне надо поговорить с Михаилом Федоровичем... Идите, мама, идите. Вы платок уронили.

Монастырский *(поднимая платок)*. Извольте платочек. Глубоко сожалею, ваше превосходительство, что роковая случайность... прошу вас пожаловать сюда, ножку не ушибите!

Тугаринова *(раздраженно)*. Какую еще ножку?

Монастырский. Сор, кирпичи, всякая гадость-с. Тут беднота по праздникам гуляет... ничего не поделаешь, ваше превосходительство! Гуляют! Хорошо бы сесть, но... можно на досках, доски очень хорошие и совершенно сухие...

Тугаринова. Сухие? Что вы говорите такое? сухие? Кто сухие?

Монастырский. Совершенно сухие, вашество, не извольте беспокоиться. Уже две недели хоть бы капелька дождя – просто ужас! Давно изволили быть в имении, ваше превосходительство?

Тугаринова. Мы только что оттуда. Но я в ужасе, мсье Кладбищенский: что это за общество...

Разговаривают. Монастырский старается из досок сделать подобие кресла. Те трое в сторонке. Таежников и Раиса одни.

Раиса. Вот я и пришла, Мишель... Посмотрите на маму; она убеждена, что ее сейчас ограбят и убьют по меньшей мере. Я пришла, Мишель. Когда-то вы изволили потешаться над моей эксцентричностью, но теперь, согласитесь, она оказалась весьма кстати. Вы не думаете?

Таежников. Нет. Зачем вы пришли?

Раиса. Затем, что вы мое последнее письмо даже не потрудились распечатать, а я не имею обычая оставаться без ответа. Но вы так худы и бледны, Мишель: вы больны или голодны?

Таежников *(усмехаясь)*. Прямо к цели?

Раиса. Да, это мой девиз: всегда прямо к цели. Мне надобен ваш совет, Мишель: мсье Батурин делает мне уже вторично предложение руки и сердца... у него очень любящее сердце, и я обещала подумать, но не могу же я ждать, пока вы пожелаете распечатать мое письмо! *(С ударением.)* Он мне нравится.

Таежников *(хмуро)*. Избавьте меня от этой игры.

Раиса. Какая же это игра? Но... извольте. Тогда скажите прямо: вы решительно не хотите сознаваться, что любите меня?

Таежников (*морщась*). Фу, как это цинично, Раиса. Вы грубы, точно следователь на допросе!

Раиса. На вас не угодишь. Вы любите меня или нет?

Таежников (*резко*). Нет. Я уже докладывал вам.

Молчание. Раиса несколько бледнеет.

Раиса. Кажется, мама успокоилась, ваш друг совершил чудо. А кто эта хорошенькая девушка, которая была с вами: у нее интересное лицо.

Таежников. Это вас не касается.

Раиса. Вы правы. – Так как же, Мишель?

Таежников. Нет, – почему вы решили, что я должен любить вас? В вашем характере есть отвратительные черты, Раиса: вы холодны, как ледяная вершина, и сатанински горды, весь мир должен прийти и поклониться вам. И вы до сих пор не можете примириться, что какой-то жалкий студентишка, почти приживальщик в доме вашего отца, осмеливается остаться равнодушным и даже – смеется!

Раиса. Вы не студентишка, и вы не жалкий, вы сами это знаете.

Таежников. А кто же я, герой? *(Горько.)* Посмотрели бы вы на этого героя десять минут тому назад... э, да что! Кто я? Где мое право на любовь? Я права на жизнь не имею, а мне суют любовь, за которую мне нечем платить!

Раиса. Кто так спрашивает, тот уже приобрел право на жизнь... и любовь.

Таежников. Как холоден ваш ум... он так же холоден, как и ваша красота, Раиса. Кто спрашивает! Мне нечем платить за вашу любовь, Раиса, а даром я ничего не беру, я в царствие небесное войду, только сломавши дверь... будьте снисходительны к гордости пролетария, это единственное, что я еще имею.

Раиса. А эти, ваши новые друзья, – вы думаете, они ничего от вас не потребуют за свою любовь! О, еще больше, чем я!

Таежников. Им я отдам себя.

Раиса *(страстно)*. Себя! А разве я ищу другого, а не вас?

Таежников громко смеется.

Раиса *(вспыхивая, презрительно)*. Пребывание в этом... обществе не улучшило ваших манер.

Таежников. Да, и я нахожу этот разговор излишним. Что вы хотите, Раиса... я уже устал от ваших пре-

следований.

Короткое молчание.

Раиса. Преследований... вы так это называете? Хорошо. Что мне нужно? Рискую снова услышать ваш смех, я все же отвечу: вас. Мне нужно только вас и больше ничего. Грубо, да. Но все прямое кажется грубым, я же смела и горда достаточно, чтобы из всех линий, по которым ползают люди, знать только одну – прямую. О, улыбайтесь... это не смущает меня. Я... люблю вашу улыбку. Я люблю... вас. Вы еще сами не знаете, кто вы – жалкий студентка, как вы себя называли. Ваши горящие глаза...

Таежников. Прошу вас не говорить этого!

Раиса (*покорно*). Хорошо, я не буду. Но вы ошибаетесь, Мишель, думая, что это я прихожу к вам повелительницей и богачкой, нет, это вы повелитель, это ваши богатства безмерны и бессчетны, а я только нищая у ваших ног! Мне холодно, Мишель, моя душа под вечным снегом, а в вас неугасимый огонь, неистощимое волнение, которое покоряет меня. Ваши чувства и мысли кружатся, как в Мальстреме¹⁹, и увлекают мое холодное воображение, будят к жизни уснувшие страсти. С вами я почти... гениальна, без вас я холод-

¹⁹ *Мальстрем* – водоворот у берегов Норвегии.

ная, злая и скучная красавица, генеральская дочь!.. Раиса Тугаринова, богатая невеста со скверным характером!

Короткое молчание. Таежников поколеблен.

Таежников (*смотря в сторону*). Вы знаете... вы знаете, что я получаю только отказы в редакциях? Да, не годится. Замыслы ничего, а так, в исполнении, плохо. Кое-где смеются над... моими произведениями, извиняют молодостью.

Раиса (*презрительно*). Оставьте их!

Таежников. Но я могу и не... выдержать. (*Смотря в сторону.*) Мне очень трудно. Болит грудь и... впрочем, не важно.

Раиса. Вы выдержите все, Мишель! Такие не погибают ни от голода, ни от болезней, разве вы сами не чувствуете этого?

Таежников. Да. (*Доверчиво.*) Вы так думаете? А если я умру или... нет, ничего.

Раиса. Сейчас, вашим видом, вы пугаете меня. Вернитесь к нам, Мишель. Вы вернетесь? Я... я буду ждать, сколько хотите, только дайте мне место в вашей душе... (*дрогнувшим голосом*) хоть немножко.

Молчание. Раиса осторожно касается его руки.

Таежников. А они?

Раиса (*презрительно*). Эти?

Таежников (*отодвигаясь*). Как вы сказали, Раиса? Эти? Что это значит: эти? Да, я про них говорю... вон, стоят и ждут, пока генеральская дочь и будущий гений не обсудят свои дела. Боже мой, как легко совершить невежливость: заговорившись с вами, я и забыл, что они вам еще не представлены. Капитан!

Раиса (*поспешно*). Нет, не зовите. Потом, когда-нибудь, может быть, я их и люблю – вы этого хотите, Мишель? – но сейчас они... я их не хочу!

Таежников. Смотрите, Раиса! Осторожнее, прошу вас. Они – это я.

Раиса. Н-нет! Они прах, глина, а вы творец. Когда они пройдут через вашу душу, я... я люблю их, а сейчас – нет.

Таежников. Вы, кажется, ошибаетесь, Раиса. Вам нужен не творец... ведь они также созданы творцом! а повар, который должен приготовить эту дичину по вашему вкусу. Я не повар. Мы слишком заговорились: идемте к ним!

Раиса. Я не хочу. Кто эта девушка? Она любит вас? Нет, нет, не смотрите на меня так. Я не пойду. Хотите, я здесь, при всех, стану перед вами на колени, Мишель!

Таежников. Не смейте!

Раиса. Я стану.

Таежников. Тогда я их позову смеяться над вами. Капитан, сюда! Татьяна Тимофеевна! Монастырский!.. Прошу вас сюда.

Прелестнов (*издали, охорашиваясь*). Слушаю-с.

Раиса (*гневно*). Вы или больны, и тогда я вас извиняю, или... в вас нет простой порядочности. Вы хотите меня знакомить? – хорошо. Мама, иди сюда. Этих дам зовут, кажется, милыми, но погибшими созданиями, да?

Таежников. Да, их так зовут.

Все собираются.

Тетенька, пожалуйста, прошу вас. Извиняюсь, господа, что я под влиянием этого внезапного нашествия забыл исполнить долг вежливости и познакомиться вас... Ваше превосходительство, позвольте вам представить капитана...

Прелестнов (*изящно шаркая*). Гавриил Прелестнов. Я уже имел честь встречаться...

Таежников. Генеральша Тугаринова. – Татьяна Тимофеевна!.. Прошу вас.

Тугаринова. Но это Бог знает что! Нет, нет, капитан... господин, пожалуйста, не целуйте мою руку.

Прелестнов (*пожимая плечами*). Виноват-с. Но как долг вежливости... сожалею, что беспокоил.

Таежников. А это... Татьяна Тимофеевна – милое, но погибшее создание²⁰. Фрейлейн Паулина – также. Генеральская дочь – Раиса Тугаринова.

Монастырский. Оставь, Михаил... посмотри на Татьяну Тимофеевну. Ты, брат, с ума сошел, нельзя же так.

Таежников. Что?.. (*Морщась от боли.*) Да, вы правы, Раиса. У меня нет чувства простой порядочности. Простите меня, Татьяна Тимофеевна... и вы, Полина... (*Целует у Тани ее холодную несопротивляющуюся руку, потом целует руку у совершенно ошалевшей Паулины.*) Простите меня. Но это не я забыл долг вежливости, как я только что сказал, а эти дамы – не волнуйтесь же так, тетенька, вас никто не ударит, а слов вы все равно не поймете! – Эти дамы, которые смеют презирать вас. И если, Раиса, в вас есть еще хоть немного души, вы всю жизнь будете благодарить меня за эту минуту, за честь, которую я оказал вам, познакомивши вас с моим единственным другом на земле, Татьяной Тимофеевной!

²⁰ *Милое, но погибшее создание* – выражение из драматических сцен А. С. Пушкина «Пир во время чумы», означает женщину легкого поведения (точно: «погибшее, но милое создание»). Широко вошло в демократическую литературу 1860-х годов.

Таня. Не надо, Михаил Федорович! Они не поймут!

Таежников. Я их заставлю понять!

Таня. Не надо! Мне больно!

Таежников. Не надо? Тебе больно? Хорошо. Слушайте вы... Вот единственный голос, которому я подчиняюсь. Идите, Раиса. Не волнуйтесь, тетенька, до свидания... Передайте мой поклон моему благодетелю, генералу!..

Прелестнов. Я также просил бы... кх!.. передать мое нижайшее почтение его превосходительству. *(Монастырскому, который дергает его за рукав.)* Оставьте, Егор!

Тугаринова *(в полубморке)*. Идем. Идем, Раиса.

Раиса. Идем, мама. До свидания, Мишель. Я еще не знаю, буду ли я вам благодарна... всю жизнь, как вы говорите... но что минута была замечательная... и что вы должны иметь у этих дам необыкновенный успех, – это я видела.

Таежников. Раиса!..

Таня отстраняет его и, быстро подойдя к повернувшейся Раисе, умоляюще берет ее за руку.

Таня. Раиса Филипповна, извините его... Нет, вы не можете, вы не должны быть такой... Раиса Филипповна... это правда, я клянусь вам, я только его друг...

(шепотом, с лицом искаженным) он не любит меня... Раиса Филипповна, вы одни только его близкие, попросите вашу маму, я не знаю, как ее зовут...

Раиса, Пустите мою руку. Проводите нас, Монастырский... *(Вскрикивает.)* Идем же, мама!

Поспешно уходят. За ними торопливо идет Монастырский. Капитан рыцарски, в отдалении, следует за ними.

Таежников *(хватает Таню за руку, сквозь зубы)*. Это была единственная минута в моей жизни, когда мне хотелось убить человека, и это – вас, Таня. Нет, вы не друг мой.

Таня. Михаил Федорович!..

Таежников. Вы – мука, вы вечная мука моя!..

Таня. Дорогой мой, не надо! Вы думаете, что мне больно? Нет, мне так хорошо... посмотрите на меня, разве вы видали меня хоть когда-нибудь такую счастливую? Я смеюсь даже, смотрите. Успокойтесь же, успокойтесь... пройдет время, и они поймут!

Таежников. Она оттолкнула вас.

Таня. Но если бы вы знали, какая у нее была холодная рука, ей так было больно! Все пройдет, все хорошо, все хорошо... смотрите, как растерялась бедная Полина. Полиночка, что ты?

Паулина (*завязывая ленты*). Я хочу домой... Я так веселились...

Таежников (*подходя, виновато*). Полина, остань-тесь!

Паулина. Нет, не трогайте меня! Это ваши дамы – зачем они пришель сюда?.. Я так веселились...

Таежников. Да, это правда... зачем они пришли? Оставайтесь, Полина, мы будем веселиться. Смотрите, как тихо опять, как хорошо! Вот и капитан идет!..

День кончился. Вечер густо розовеет, переходя в светлую бессонную ночь; пыль и дым розовым туманом мреют над землею, и нежно светлеет беззвездное жидкое небо. Свистки пароходов над недалекой Невой. Входит капитан и – хохочет.

Прелестнов. Тетенька-то... а? И на ленте ведет собачонку! (*Хохочет.*) Но какой экипаж! Какой лакей! Признаться, даже я был несколько афроппирован, а мой Егор в его испанской шляпе... тетенька всю дорогу звала его мсье Кладбищенский – какие мрачные мысли!.. (*Хохочет.*)

Смеется и подошедший Монастырский, смеются все.

Монастырский. Хватил, капитан!

Прелестнов. Нет, позволь, Егор! Я рыцарь, я обожаю дам и преклоняюсь, за что и сам обожаем всю жизнь, но – фанаберии не терплю. И на ленте ведет собачонку!

Монастырский (*Таежникову, укоризненно*). Михаил!

Таежников. Оставь, Егор, сам знаю, что надо знать. Поговори лучше с Полиной Ивановной, смотри, как она грустила.

Паулина. Нет, я уже немножко прошель. А собачки я не видаль.

Прелестнов. Так прелестно выразился лишь поэт! Егор, наполним фиалы! Но какой чреватый день: точно рог изобилия прорвался над нашей головой... И на ленте ведет собачонку! Кладбищенский, – пей!

Таежников. Дайте и мне стакан. За ваше здоровье, капитан, за то, чтобы ваш бодрый дух всегда остался светел и невозмутим!

Прелестнов. И невозмутим. Аминь. Идет!

Монастырский. За твое, Миша!

Таежников. Господа! Танечка! Полина Ивановна! Стоит ли из-за того, что на нас дважды нападали враги...

Прелестнов. Верно, дважды! Но отбиты!

Таежников. Стоит ли из-за этого отдавать дьяволу

тоски наши редкие и лучшие минуты?

Прелестнов. Не стоит! Положительно!

Таежников. В розовых одеждах идет к нам дьявол белых ночей – и у дьявола бывает праздник, пусть будет праздник и у нас!..

Паулина (*шепчет*). Я боюсь дьяволь.

Прелестнов (*также*). Это аллегория.

Таежников. Взгляни, Егор: не то же ли небо над нами? Вслушайся: не тот же ли воздух обвеваает наши лица? Злая судьба бедняков насмеялась над нами, мы ограблены, мы унижены, мы изгнаны на пустырь из пиршественных палат – но не с нами ли Бог и вечная природа? Смотрите: вот каменные стены лезут на нас, чтобы отнять последний воздух у нашей груди, – а мы дышим! Вот мусором и известкой они загрязнили всю землю, придушили траву, – а цветок-то вырос! Где цветок, Егор?

Паулина. Вот. Ах – он уже завял. Бедненький!..

Монастырский. Ты прав. Михаил, – долой уныние и хандру. Гавриил, фиалы!

*В некоторых окнах домов, на высоте, уже за-
жглись неяркие огни; длинным рядом светлых пятен
вспыхнули окна дальней фабрики. Темнеет.*

Таня (*тихо*). У вас болит сердце, Михаил Федоро-

вич?

Таежников (*счастливо улыбаясь*). Болят, Таня! Долой уныние, – но не надо шума и громкого смеха, друзья. Будем тихи, печальны и радостны в нашей печали. Смотрите: в домах уже загорелись огни... и можно ли не любить людей, не верить, не искать их объятий, когда видишь эти огоньки перед наступающей ночью?

Молчание. Все задумались. Монастырский декламирует сдержанным басом:

Монастырский.

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день,
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!..
Сердце сожмется мучительной...²¹

Занавес

²¹ «Еду ли ночью по улице темной...» – строки из стихотворения Н. А. Некрасова, называвшегося по первой строке (1847).

Действие третье

Осенний темный вечер.

В доме благополучие: Горожанкин пришел трезвый и полностью принес жалованье: по этому случаю был обед с гостями, а после обеда Елизавета Семеновна устроила стуколку. Играют на орехи. Стол придвинут, ввиду недостатка стульев, к кровати Горожанкина, на которой сидит он сам и льнувший к нему счастливый Сеничка. Горожанкин в вицмундире, галстух ему повязывала Елизавета Семеновна, и вообще видом он чист и праздничен, но в хитрых глазах и выражении ширококостного, мясистого, красного лица таится вражда и презрение ко всему этому благополучию и благородному фасону: всей душой хотел бы он оказаться в кабаке, за шкаликом. Елизавета Семеновна одета также празднично, для гостей, в кружевной наколке; похудела и кашляет еще больше. Таня – все та же. Из гостей присутствуют: Монастырский, капитан Прелестнов, Паулина и старичок из богадельни, Яков Иванович; играть он, по слепоте и глухоте, в сущности, не может, но тоже – держит карты. Посередине стола всякое угощение: пастила, пряники, леденцы и даже яблоки. Таежниковне играет и лежит

у себя на постели, за полуотдернутым занавесом. Лежит он на спине, с открытыми глазами, руки закинута за голову – не то прислушивается, не то думает упорно о своем. Исхудал, и бородака кажется еще чернее. При открытии занавеса за столом общий смех. Смеются над Яковом Ивановичем, перепутавшим карты.

Паулина. Он думаль, что это дама!.. Фи, это король!

Сеня (*хлопает в ладоши*), Вот так дама! С бородакою! Папа, Яков Иваныч думал, что это дама!

Таня. Тише, тише, Сеня, Яков Иваныч ошибся.

Горожанкин. Не толкайся, Семен. – Ты что же это, Яков Иваныч, за дамами приволакивать? А еще в богадельне живешь – не знал я, что у тебя такая слабость к дамскому полу!

Сеня (*в восторге*). Яков Иваныч дам любит!

Прелестнов. Этаким манером, сударь мой, вы и меня при всех моих регалиях за даму почтете – кхе... кхе!

Сеня (*в еще большем восторге*). Капитан – дама!

Горожанкин. Я тебе говорю, не толкайся!

Елизавета Семеновна (*строго*). Перестань, Сеня...ты и папе мешаешь. Чему тут смеяться? Яков Иваныч слепенький, он в богадельне живет, и тут во-все не над чем смеяться. (*Громко*.) Яков Иваныч!

Правда, какие глупые: смеются!

Яков Иванович. Перепутал, матушка, перепутал. Показалось мне, что это юбка, а бороды-то и не приметил, да.

Сеня. Юбка!

Яков Иванович смеется вместе со всеми.

Яков Иванович. Бороды-то, да.

Монастырский. Бывает... Гавриил, погляди пока мои карты, а я побренчу. *(Наигрывает тихо на гитаре и иногда так же тихо подпевает.)*

Одну минуту все, перестав играть, слушают его.

Прелестнов. Пасс!

Паулина. Стучу.

Елизавета Семеновна. Втемную. Яков Иваныч, пастилы не хотите? Пастилы, я говорю, пастилы! Кушайте, пожалуйста, я вас очень прошу... Таня, подвинь же к Якову Иванычу пастилу, положи ему на блюдечко. Мне четыре карты. Кушайте, Яков Иваныч! Сегодня моему Тимофею Аристарховичу генерал обещал награду...

Таня опускает глаза, сам Горожанкин быстро и

глумливо взглядывает на жену и принимает серьезный вид.

...да, небольшую пока, но потом обещали еще: генерал его так любит. Вот мне и захотелось доставить себе небольшое развлечение, мы живем так замкнуто... Поправь галстух, Тимофей Аристархович.

Горожанкин (*сдерживаясь*). Надоели вы мне с этим галстухом, Елизавета Семеновна. Ведь хорошо же.

Елизавета Семеновна (*строго*). Дай, я сама поправлю... поддержи карты, Сеничка. (*Поправляет.*)

Горожанкин (*сдерживаясь*). Ну вот... ладно, ладно.

Сеня (*громким шепотом*). Мама, у тебя туз!

Горожанкин (*строго*). Этого нельзя говорить вслух, что ты, не знаешь?

Разыгрывают.

Паулина. Опять Елизавет Семеновна все взятки возьмь. А я опять ремиз ставиль!

Прелестнов. Запишите ремизик и за мною.

Елизавета Семеновна (*взволнованная и покрасневшая*). Мне всегда так везет, даже неловко! Сколько там орехов?

Сеня. Мама всегда втемную и всегда выигрывает! Папочка, играй и ты втемную.

Горожанкин. Не лезь, тебя не спрашивают.

Сеня. Я так сказал.

Горожанкин. А так, так лучше молчи. (*Презрительно.*) Чепуха какая, эти орехи!

Таня. Отчего же, папа? Всем весело.

Горожанкин (*фальшиво улыбаясь*). Да я не спорю, а так... играть так играть.

Елизавета Семеновна. Ты лучше яблочка скушай, Тимофей Аристархович, ты их любишь, я как раз по твоему вкусу выбрала: немного с кваском.

Горожанкин. Не люблю я яблоки... ну, давайте. (*Ест.*) Ничего!

Прелестнов. Пес! С кислинкой-то хорошо для закуски... (*Спохватившись.*) Вам сколько прикажете карт, Елизавета Семеновна?

Елизавета Семеновна. Четыре.

Паулина. Мне одну, хорошую.

Прелестнов. Не везет мне сегодня... Егор, иди-ка посиди, а я ноги разомну, отсидел. Да и к студенту нашему загляну, что-то он все...

Горожанкин. У них головка болит.

Таня. Да, голова болит... пойдите к нему, капитан, посидите.

Монастырский. Иди, Гаврюша. Ну-с, теперь я с вами расправлюсь, Полина Ивановна. Стучу!!

Играют. Капитан идет к Таежникову и садится возле постели на стул. В течение их дальнейшего разговора со стороны играющих доносятся возгласы: «пасс!», «стучу!» Изредка громкий смех Паулины и Сени.

Прелестнов. Ну, как, брат Миша? Голова болит?

Таежников *(не меняя позы)*. Нет. А ты что же бросил игру?

Прелестнов. Игру? Позволь тебе заметить, юноша, что старого воробья на мякине не проведешь. По-твоему, это игра... в орехи! – а я, извини, называю это идиллией в прозе. Человека, который в одну ночь просаживал по сотне рублей казенных, посадить за этокое упражне-ние – это даже оскорбительно. Пастила, яблочки, орехи! Ты любишь идиллии в прозе, Миша?

Таежников. Люблю.

Прелестнов. Извини, Миша, но не верю: мы слишком схожи с тобою характерами, чтобы ты мог преклоняться перед такою... преснятиной. Яблочки! *(Наклоняется к студенту и смеется, подмаргивая.)* А Тимофей Аристархович-то? Чиновник-то?

Таежников. Ну? Что Тимофей Аристархович?

Прелестнов *(надувая щеки)*. О водочке – ни-ни! А? Чистенький-то какой?

Таежников. Ну?

Прелестнов. А сам так в лес и смотрит, в глазах этакий блуждающий огонек! Принес жалованье домой, а теперь кается, да поздно, брат, – по себе знаю это подлое состояние, испытал!

Таежников. Что же тут смешного?

Прелестнов. Смешно! Кровопиющему тигру – и вдруг яблочка! Пастилы! Орешки!

Таежников. Глупо, капитан.

Прелестнов. Да? Извини, Миша, – глупо, да. Тут идиллия, тут, можно сказать, человеческие сердца отдыхают, а я... Эх, Миша, да разве я сам этому подлецу, этому мерзавцу, этому безнравственнейшему алкоголику не завидую? Завидую. Окружен почтением и лаской, жена то и се, яблочки, наконец – пастила! А моих домашних знаешь? Жену, мамашу и трех своячениц, весь тот мой зловредный гарем? Враги человеку, самые жестокие и даже беспощадные! Я женщин боюсь, Миша. Почему я брожу, как Вечный жид в сочинении господина Евгения Сю²²? Не осуждать ты должен, Миша, а протянуть руку сострадания и помощи!

²² ...«я брожу как вечный жид в сочинении г. Евгения Сю...» – Эжен Сю (1804–1857), французский писатель, в своем авантюрном романе-сатире «Вечный жид» (1844) описал похождения скитальца-еврея Агасфера, воспользовавшись сюжетом многочисленных средневековых сказаний об осужденном Богом на вечное странствование за то, что не дал изнемогшему под тяжестью креста Иисусу Христу отдохнуть в своем доме по пути к Голгофе.

Таежников. Да я и не осуждаю.

Прелестнов. И понимаешь: ни копейки! Хранилища пусты, как лопнувшая банкирская контора. Но – бросим эту гнуснейшую прозу, я ведь знаю, что и твои хранилища пусты, иначе – ни сантима? Ну, конечно, разве бывают у благородных людей деньги! Но не беспокойся обо мне, я как-нибудь устроюсь. *(Наклоняясь, внушительно.)* А скажи, Миша, как это у тебя... вообще, твои идеи, а?

Таежников. Ничего, все так же.

Прелестнов *(значительно)*. Все так же? Да, да, брат, идеи это, брат, не кот наплакал. Ты у нас умница, мы тебя выведем в люди! А этого... сочинения твои?.. Не берут?..

Таежников. Не берут.

Прелестнов. Подлецы!

Елизавета Семеновна. Капитан, что же вы скрылись? Без вас дамы скучают, идите, пожалуйста!

Монастырский *(басом)*. Капитан! Прелестнов!

Прелестнов. Сию минуту-с, хочу немного отдохнуть от возбуждения... *(Вдумчиво.)* Миша, может быть, тебе бумагу переменить надо... не та бумага, а?

Таежников. Ну что ты глупости говоришь!

Прелестнов. Нет, Миша, ты не прав: бумага имеет большое значение, поверь моему опыту. Пишешь ты, скажем, прошение, и одно, брат, дело, когда бумага

глянцева! приятная! внушающая доверие! или... Ну, ну, очень возможно, что я и неправ. Действительно: при чем тут бумага, когда сама душа человеческая!.. Слыхал я от Егора, что ты дошел, в некотором роде, до отчаяния и даже намерен прибегнуть к чернорабочему труду. Неужели это правда, Миша?

Таежников (*хмуро*). Врет Монастырский.

Прелестнов. Нельзя! Нельзя, Миша! Как можно допустить, чтобы благородный человек и вдруг так унился. Скажу о себе...

Среди играющих движение и спор.

Горожанкин. Нет, я лучше сюда пересяду. Пусти, Татьяна. Ремиз за ремизом, это ты меня, Семену подводишь.

Сеня (*сквозь слезы*). Я только смотрю.

Горожанкин. И смотреть нечего, а надо спать, вот что! Удивляюсь вам, Елизавета Семеновна, что вы до сих пор не кладете мальчишку спать!

Таня. Он никому не мешает, папа.

Елизавета Семеновна. Да, лучше бы ты шея спать, Сеня: воспитанные дети...

Сеня (*плача*). Я не буду.

Горожанкин. Ну, заревел! Маленький! Плакса!

Паулина. Иди ко мне, Сеничка. Пусть мои карты

смотрит, он счастливый.

Елизавета Семеновна. Он еще немного посидит; Тимофей Аристархович. Сиди, Сеня, но только не мешай.

Горожанкин (*садясь на новое место*). Пусть сидят, мне-то что! Игра... Что ж капитан ваш не идет?..

Монастырский. Не волнуйтесь, Тимофей Аристархович, сейчас пришлю капитана. Сдавайте пока, карты стасованы. (*Входит за перегородку и за рукав поднимает капитана со стула.*) Иди, Гавриил. Ну?

Прелестнов. Не хочется мне, Егор.

Монастырский. Иди, иди, нечего!

Капитан присоединяется к играющим, его встречают возгласами: «сюда, капитан, сюда!» – «возле меня!» Монастырский закуривает папиросу.

Таежников (*не меняя позы*). Что ты там болтаешь про меня капитану?

Монастырский. Что такое? Ничего я не говорил, просто сочиняет, лысый черт. Михаил, пошел бы ты к нам, посидел, все веселее, честное слово! Не хочешь?

Таежников. Нет.

Монастырский. Татьяна Тимофеевна очень о тебе беспокоится. Несчастные они люди, Миша, душа

надрывается на них смотреть: и за что такое бывает с людьми? Мы еще молоды с тобою, у нас есть еще будущее...

Таежников (*иронически*). Будущее?

Монастырский (*грустно*). Знаю, что ты не веришь уже и в будущее, Михаил, но позволь мне остаться при моем убеждении: рассеются тучи, и взойдет солнце и своими лучами разгонит мрак твоей души. А эти? Этот горбатенький и слабый Сеня, радующийся малейшему лучу света! Как он любит своего недостойного отца и как груб с ним этот краснорожий мерзавец! А Елизавета Семеновна в своем праздничном виде?.. Сейчас закашлялась она, гляжу я, а платок-то у нее в крови – ты понимаешь зловещее значение этого признака, Миша?

Таежников. Она еще раньше с ума сойдет. Еще раз увидит своего Тимофея Аристарховича пьяным...

Монастырский. Да, этого и Татьяна Тимофеевна боится. А ты знаешь, что мы с Татьяной Тимофеевной уже два дня, как сыщики, за ним ходим? И все-таки чуть-чуть не прозевали: каким-то задним ходом пробрался, уж на самом пороге кабака настигли его и так привели домой. Вся улица на нас смотрела, как мы его заклинали... алкоголик безнадежнейший и мерзавец! Мертвые люди!

Таежников. Да, мертвые.

Монастырский (*вздыхая*). Миша, голубчик, пойдём туда, встань хоть ты, смотреть я на тебя не могу: так ты исхудал и побледнел... Миша.

Таежников. Нет.

Монастырский (*горько*). Так и будешь лежать?

Таежников. Ослабел я, Егор. Мертвый и я.

Монастырский. Вижу я! Вижу, что ослабел, оттого так и страшусь я за тебя, мой друг. Татьяна Тимофеевна сказывала мне, что вот уже неделю ты предаешься этому ужасному занятию людей отчаявшихся: почти не двигаясь, лежишь на своей постели и молчишь. Мне страшно вымолвить это слово, но подобием гроба становится твоя бедная и жесткая кровать. Двигайся, Миша, хоть как-нибудь; хоть куда-нибудь, но двигайся, Миша: вместе с движением, как тебе известно, кончается и жизнь!

Таежников (*угрюмо*). Мне некуда идти. Я – жду.

Монастырский. Но чего?

Таежников. Солнца, про которое ты говорил только что, или... смерти. У меня нет сил бороться дольше. Да и во имя чего стал бы я бороться, подумай? Во имя таланта? Но у меня его нет, я в этом твердо убедился после всех моих смешных и жалких попыток создать что-то замечательное... Бездарен, бессилён!

Монастырский. Живут же люди и без таланта, Миша. Талант – дар случайный, над которым мы не

властны, но есть другое, к чему зовет нас наша совесть и ум: любовь к людям, несчастным и обездоленным. Разве для этого не стоит жить?

Таежников. Сказать ли тебе странную вещь? Я их не люблю.

Монастырский. Не может быть! Ты клеветешь на себя.

Таежников. Думай как хочешь. Была, пожалуй, и любовь, но словно выгорела она в огне моих страданий. Нет, никого не люблю, пусто и мертвенно во мне, как в могиле. А ты также думаешь, что у меня нет таланта?

Монастырский (*смущаясь*). Если хочешь полной и откровенной правды, то... сомневаюсь я, Михаил! Мне лично твои произведения кажутся достойными самой высокой похвалы, и Татьяна Тимофеевна также...

Таежников (*садясь на постели*). Да, да, я понимаю. Впрочем, это и не важно, и просто я несколько устал и поддался ипохондрии. Пустяки, Егорушка, пустяки, и спасибо тебе... за откровенность. Надо двигаться, это верно. Завтра же сажусь за переводы, которые ты мне принес, и...

Монастырский. Ты обещаешь мне это?

Таежников. Да, да. Пойди к ним, а сейчас и я...

Монастырский. Ты придешь? Вот я хвалю, Миха-

ил, тут я узнаю тебя. Голубчик, ведь ты же сильнее всех нас, вместе взятых; и вдруг этот одр!.. Чепухенция, Миша!

Таежников. Да, да, иди. Я только волосы причешу.

Монастырский, веселый, выходит к играющим, делает ободрительные знаки Тане. Таежников, после его ухода, бросается лицом вниз, на подушку, и так несколько мгновений лежит в мертвой мучительной неподвижности. Потом встает, поправляет волосы и Дергает лицом, как бы приучая его к улыбке. Монастырского весело встречают.

Прелестнов. Егор! Сюда, садись и помогай – заклевали меня эти дамы.

Паулина. Нет, ко мне, Егор Иваныч, вы такой счастливый. Я уже гривенник проиграл!

Елизавета Семеновна. Егор Иваныч сядет возле меня. Садитесь, Егор Иваныч, здесь такой азарт... наш милейший капитан бьет нас, как своих турок. Немножко поиграем еще, а потом я попрошу всех закусить чем Бог послал.

Прелестнов. Не откажусь. Ваша сдача, Татьяна Тимофеевна.

Сеня. Егор Иваныч, Яков Иваныч опять даму с королем спутал! (Хохочет.)

Елизавета Семеновна. Сеня! – Стучу!

Таня. Кто еще? Ты, папа?

Входит Таежников, его встречают восклицаниями.

Прелестнов. Сюда, Миша, на выручку.

Елизавета Семеновна. Садитесь, Михаил Федорович, мы сейчас сдадим снова.

Таежников (*улыбаясь*). Нет, я пока посмотрю. Я тут сяду.

Таня (*тихо*). Голова еще болит, Михаил Федорович? Вы немного бледны.

Таежников. Нет, лучше стало. Мы с Сеничкой посидим, ладно, Сеня? Ну как, капитан? (*Садится возле Сени, осторожно обнимая его по верху горба. Улыбается.*)

Прелестнов. Да что, Миша, – ни в каком словаре не найдешь таких слов, чтобы описать коварство этих дам! Подсигивают со всех сторон. Зная мой пылкий темперамент.

Елизавета Семеновна. А вы не зарывайтесь, капитан. Нельзя же все втемную да втемную.

Сеня. Ты сама втемную, мама!

Елизавета Семеновна. Молчи, Сеня! Мне очень везет, и оттого я позволяю себе рисковать, а капитан...

(Взволнованно.) Вот: и опять стучу!.. Посмотри, Танечка, что у меня. Видишь, а?

Горожанкин *(фальшиво)*. А вы что же не поиграете, господин студент? Хотя, конечно, на орехи, но игра интересная... для препровождения времени?

Таежников *(сухо)*. Не в настроении-с. Тебе удобно, Сеничка?

Монастырский. Стучу и я... эх, где наша не пропадала!

Прелестнов. А я пас. Ну и карта – шеперка на шеперке.

Яков Иванович. И я стучу. *(Стучит.)*

Сеня *(в восторге)*. Яков Иваныч стучит!

Общий смех, смеется и Яков Иванович.

Паулина. Вам сколько карт? Две? А вам?

В молчании разыгрывают. Таня украдкой смотрит на Таежникова, тот хмуро избегает ее взгляда.

Открывается дверь, и в подвал входят два господина: один, барственного вида, в цилиндре и дорогой николаевской шинели; второй одет попроще, в накидке и кашне, мягкая шляпа, длинные прямые волосы, вид человека радостно взволнованного, полного нетерпения что-то выразить. Быстро сдержива-

ет шляпу почти на самом пороге, тогда как первый еще некоторое время остается в цилиндре и внимательно оглядывается. В первое мгновение их не замечают.

Незабытов (*барственного вида*). Извините... но скажите, пожалуйста, не здесь ли квартира чиновника Горожанкина? Мне сказали, что вторая лестница вниз, со двора?

Все в смущении вскакивают.

Горожанкин. Да, здесь.

Елизавета Семеновна (*краснея*). Извините, здесь такой беспорядок... это мой муж, чиновник Горожанкин.

Незабытов. Не беспокойтесь, сударыня. Нам, собственно, нужен не сам господин Горожанкин, а... кажется, у вас должен жить бывший студент Михаил Федорович Таежников? В адресе не совсем ясно указано...

Григорий Аполлонович (*шепчет взволнованно*). Да вот он, Иван Алексеевич! Это он.

Незабытов. Погодите, Григорий Аполлонович. Я говорю: бывший студент Михаил Федорович Таежников...

Таежников (*выступая*). Это я.

На него все смотрят, даже свои.

Монастырский (*трясаясь от страха, капитану*).

Стой... ты знаешь, кто это? Портреты вспомни.

Прелестнов (*вытаращив глаза*). Ей-Богу, они! Егор!..

Незабытов. Вы-с? Тогда позвольте познакомиться...
ся...

Таежников (*слегка дрожит*). Я... знаю... (*Григорью Аполлоновичу.*) И вас знаю.

Григорий Аполлонович (*порываясь вперед*). Голубчик, мы с Иваном Алексеевичем...

Незабытов. Погодите, Григорий Аполлонович. Мы извиняемся, что так поздно ворвались и, быть может, помешали...

Монастырский (*не удержавшись*). Да что вы! Помешали!

Прелестнов (*испуганно*). Егор, я удираю.

Григорий Аполлонович. Ну что вы так медленно, Иван Алексеевич, ей-Богу! Мы с Иваном Алексеевичем...

Незабытов. Но нам хотелось бы наедине, если возможно, поговорить с господином Таежниковым... и вот... (*Оглядывается, ища, куда пойти.*)

Таежников смотрит вбок, хмурясь и бледнея, говорит крайне тихим голосом.

Таежников. Извините, у меня нет особой комнаты. *(Решительно.)* Я снимаю угол у господина Горожанкина.

Григорий Аполлонович. Да, конечно, пустяки. Мы и тут можем – правда, Иван Алексеевич, мы и тут можем?

Все уходят во внутреннюю комнату; один Яков Иванович, не совсем поняв, в чем дело, продолжает скромно сидеть на своем месте.

Елизавета Семеновна. Пожалуйста, господа, прошу вас... Да идите же, Яков Иваныч, ах какой вы учительный! *(С отчаянием.)* Таня, а карты?!

Таня. Ничего, мамочка... *(Увлекает ее, что-то шепча.)*

В дверях еще на мгновение заминка с Яковом Ивановичем – и затем в комнате остаются трое: Незабытов, Григорий Аполлонович и Таежников. Минута некоторой неловкости.

Григорий Аполлонович (*смущенно улыбаясь*).

Вот мы их и разогнали, и как это неловко вышло. Старичок этот!..

Незабытов. Скажите... Михаил Федорович, мы хотели бы удостовериться: это вы автор сочинения «Повесть в письмах», представленного в редакцию нашего журнала?

Таежников (*глядя в сторону*). Да-с, я. Это мое сочинение. Я... (*Умолкает.*)

Незабытов. Видите ли, ваше сочинение принято к напечатанию и... да, оно нам очень понравилось. И... (*Молчание Таежникова смущает его.*) Но вы молчите? Позвольте, куда вы?..

Таежников (*быстро повернувшись, чтобы куда-то бежать, останавливается*). Я... (*Смотрит прямо горящими глазами.*) Этого не может быть! Я... Нет, лучше я пойду... Я...

Григорий Аполлонович. Михаил Федорович! Голубчик! Да вы...

Бросается к Таежникову и начинает его целовать в лоб, в глаза, волосы. Испуганный Таежников сперва отстраняется, ничего не понимая, потом безвольно, с бледным и искаженным лицом, поддается поцелуям. Незабытов также, протянув обе руки, делает шаг к студенту. Григорий Аполлонович невня-

но бормочет, целуя студента и плача, потом выделяются слова.

Григорий Аполлонович. Он сомневается, Боже мой, Боже мой, он сомневается! Человек мой, человек, что написал, что написал! Дай тебе Бог и!.. Бледный, бледный-то какой... человек, человечек мой...

Незабытов. Позвольте и мне поцеловать вас... вы такое, батенька, написали, что!..

Григорий Аполлонович *(смеясь, восторженно)*. Вот и он, ну да! Мы вдвоем, мы... ночью, бегом бежали... извозчика нет... Бледный, бледный-то какой, голубчик мой! Вы не смотрите на него, что он так, Иван Алексеевич всегда так, это у него цилиндр и перчатки, а душа у него, в душе-то он еще больше плачет, чем я! Я что! Правда, Иван Алексеевич, скажите ему?!

Незабытов. Правда, вы такое написали, что...

Григорий Аполлонович. Ну да, а он сомневается. Да как же ты можешь сомневаться, когда в тебе – Бог. Ты не смеешь сомневаться, Богом ты избран на великий, великий, но тяжкий, тяжкий путь! Ты, брат, не радуйся, ты не думай, что это так уж легко... нет, это тяжкий, брат, тяжкий путь, тут терновым венцом, тут крестными страданиями пахнет! Бледней, ничего, бледней! ты человек, ты должен бледнеть, иначе кто ты, если не побледнеешь?.. Но что я, о черт я какой!

Да разве ты сам не знаешь? Да разве, не бледнея и не плача кровавыми слезами, пишут такие вещи! Поцелуйте его, поцелуйте его, Иван Алексеевич, смотрите, какой он бледненький, человек, человечек мой!

Таежников. Я...

Умолкает. Глаза его расширены и горят. Неловко, как бы совершая какой-то Не вполне ему знакомый обряд, крепко целует в губы Григория Аполлоновича, потом так же прямо и крепко целует Незабытова. Потом так же прямо, точно и здесь совершая необходимое, отходит к стене и прижимается к ней лицом: так стоит.

Григорий Аполлонович (провожая его такими же горящими глазами). Смотрите, Иван Алексеевич, смотрите, что он...

Незабытов (тихо). Да тише вы, тише... нельзя же так!..

Григорий Аполлонович (смущенно). А что? Разве я опять что-нибудь? Да, да, конечно... (Вскрикивает.) Но он сомневается!

Незабытов. Погодите, погодите, Григорий Аполлонович. Так вот, Михаил Федорович, значит, мы пришли к вам... боюсь, однако, что это вышло несколько сразу и ошеломительно, но, знаете, вы такое написа-

ли... Правда, Григорий Аполлонович человек восторженный...

Григорий Аполлонович. А вы сами? Кто сказал: поедем сейчас же? Я? Извините, Иван Алексеевич, но...

Незабытов (*улыбаясь*). Я, я сказал, ну, а кто вперед побежал?

Таежников обернулся и со странной улыбкой слушает, не слыша разговор.

А кто всю дорогу меня за шинель тащил? А кто доказывал, что вовсе еще не поздно, что совсем еще рано, что...

Григорий Аполлонович (*смеясь*). Не слушайте его, Михаил Федорович, это хладнокровие у него от цилиндра, он нарочно цилиндр для хладнокровия носит... Но только доложу вам, что если он утверждает, что хорошо, то это уже значит действительно прекрасно! Я что!..

Незабытов. Первая повесть, Михаил Федорович?

Таежников. Я... Нет, не первая. Но... (*улыбается счастливо*) не печатали.

Незабытов. Да, да, конечно...

Таежников (*улыбается*). Я еще рассказы писал... плохие!!

Григорий Аполлонович (*решительно*). Нам надо ужасно много говорить.

Незабытов. Погодите же, Григорий Аполлонович, дайте же нам хоть немного толком...

Григорий Аполлонович (*вспыхивая, презрительно*). Толком! А, по моему мнению, это и есть бестолковщина, ваш толк. Позвольте вас еще раз спросить, Иван Алексеевич: каким образом такое произведение могло лежать у нас три месяца, а мы преспокойнейшим образом обедали, спали...

Незабытов...ходили гулять...

Григорий Аполлонович (*сердито*). Да-с, и ходили гулять. Я не щучу, Иван Алексеевич: нам надо изменить этот порядок! Ваша контора позволяет себе черт знает что! (*Внезапно улыбаясь светлейшей улыбкой, похлопывая Незабытова по плечу, Таежникову.*) Какой сухарь, а? Черствейший эгоист! Нет, нам надо ужасно много говорить!

Незабытов. И поговорим, и поговорим... но только не сегодня, сегодня поздно.

Григорий Аполлонович (*снова хмурясь*). Какое еще поздно?

Незабытов (*значительно*). Да, да, поздно. Да и Михаилу Федоровичу надо немного отдохнуть от неожиданных впечатлений, а вот уже завтра – мы начнем!

Григорий Аполлонович. Вы утром приходите к

нам, мы рано встаем.

Таежников. Хорошо, я приду. *(Внезапно хмурясь.)* А вы не шутите... нет-с, я так. *(Снова раскрываясь улыбкой.)* Правда, я немного взволновался и... Вот видите!

Незабытов. Конечно, конечно, да как и не взволноваться? Вдруг нагрянули ночью и сразу... Это квартира чиновника Горожанкина? И давно здесь изволите проживать, Михаил Федорович?

Таежников. Давно, год. Они очень хорошие люди. Только он пьяница. А Елизавета Семеновна чахоточная, скоро умрет. У них еще сын, Сеня, горбатенький... *(Внезапно губы его вздрагивают и на глазах показываются слезы – первые слезы.)* Они очень бедные люди.

Незабытов *(как бы не замечая его волнения).* Да, обстановочка... *(Оглядывается.)* Год, значит, изволили прожить.

Таежников. Да, год, собственно, одиннадцать месяцев. Раньше я у тетки жил, генеральши, но они такие... *(Опять вздрагивают губы и на глазах слезы.)* У меня отец и мать... мама... умерли...

Незабытов. Один, значит? Так, так. А что у них сегодня – именины?

Таежников *(улыбаясь).* Нет. Сегодня Горожанкин получил жалованье и совершенно трезвый, совер-

шенно! Вот Елизавета Семеновна и устроила, она немного сумасшедшая, у нее странности... впрочем, совсем немного. В стуколку на орехи играли... тут еще капитан один. Они вас по портретам узнали и испугались... я тоже по портрету узнал.

Незабытов. Дела-то у вас, вероятно, плохи?

Таежников (*улыбаясь*). Нет, ничего. Да, плохи.

Григорий Аполлонович (*дергая Незабытова за рукав, шепчет*). Иван Алексеевич!..

Незабытов (*отнимая рукав*). Оставьте меня, Григорий Аполлонович. Итак, милый вы мой Михаил Федорович...

Таежников (*хмурясь и как бы начиная что-то сознавать*). Извините, я не вполне точно, кажется... (*Хмурясь больше.*) Правда, здесь очень бедно и даже как будто не на чем сесть...

Григорий Аполлонович. Да сидим же мы, ах, Господи!

Таежников. Да, конечно, сидите, но... Из моих слов можно сделать заключение, что я как будто не достаточно уважаю Елизавету Семеновну и вообще... (*Умолкает, удивленно смотря на обоих.*) Впрочем, я лучше завтра приду.

Незабытов (*вставая, решительно*). Вот что, милый мой Михаил Федорович, вы теперь наш, и мы можем говорить свободно, без особой щепетильности:

вам дольше здесь оставаться нельзя...

Григорий Аполлонович. Отчего вы такой бледный? Вы больны?

Незабытов. Да погодите, Григорий Аполлонович, какой вы, ей-Богу!.. Так вот-с ваша работа, многоуважаемый Михаил Федорович, будет напечатана в ближайшей книжке журнала, а сегодня сдаю ее в набор, а пока позвольте в счет гонорара (*достаёт бумажник*) уплатить вам... двести рублей. Здесь, конечно, только часть того, что вы должны получить, но у нас правило такое, батенька, что до напечатания... Пожалуй-ста, берите же деньги, Михаил Федорович!

Григорий Аполлонович (*выхватывает деньги и передает Таежникову; вспыхивая, сердито*). Он еще сомневается – брать ли! Да держите же!

Таежников берет бумажки, и так они и остаются в его руке. Прощаясь, перекладывает их в левую руку, но не прячет.

Незабытов. А теперь... Позвольте еще раз крепко пожать вашу руку... деньги не уроните... вашу руку, многоуважаемый Михаил Федорович, и еще раз, серьезнейшим образом подтвердить, что вы написали превосходную вещь. Поверьте, что для нас, немолодых уже писателей, связавших свою судьбу с судьбой

русской литературы, это – высочайшая радость!

Григорий Аполлонович. Что литература! Тут... да разве тут можно благодарить? Ну – спасибо, Михаил Федорович. Идемте скорее, Иван Алексеевич.

Незабытов (*жмет руку Таежникову*). Благодарю вас, Михаил Федорович. Значит, до завтра?! Квартирка моя при редакции.

Григорий Аполлонович. Утром, пораньше! Да идемте же, Иван Алексеевич, какой вы медлитель. (*С величайшей выразительностью.*) До... до свидания, Михаил Федорович!

Выходят, – но с порога Григорий Аполлонович возвращается один и молча, как влюбленный, крепко целует Таежникову, смотрит на него, безуспешно стремясь все выразить взглядом, – и уходит. Таежников стоит, бледный, странный, с горящими глазами; в руке застыли деньги. Таким застают его свои. Первым просовывает голову в дверь капитан и, испугавшись, прячется назад. Потом постепенно выходят все, осторожно, на носках, почтительные к тому, что только что здесь совершалось. Таня, взглянув на Таежникову, садится в угол и закрывает лицо руками.

Прелестнов (*шепчет восторженно*). На руку, на

ручку поглядите-с! Боже мой! Вы видите?

Монастырский. Что это? Что же он?

Прелестнов (*свирепо*). Деньги-с! Вот это что. Боже ты мой! Миша... Михаил Федорович!

Монастырский (*вскрикивает, как ужаленный*). Миша! Друг ты мой! Друг... (*Душит его поцелуями, которым тот безвольно отдается, опустив руку с бумажками.*)

Общие восклицания изумления и восторга.

Сеня (*шепчет*). Мама, сколько это? Много?

Елизавета Семеновна. Поздравляю вас, господин Таежников, я всегда знала... (*Всхлипывает.*) Вы такой великодушный юноша... Что же ты не поздравляешь, Тимофей Аристархович?

Прелестнов (*торжественно*). Миша! Михаил Федорович... кха... я даже не знаю, смею ли я, как прежде, в простоте невинных сердец... поразил ты меня, Миша!

Таежников (*слабо*). Смеешь, Гавриил, смеешь. Поцелуемся, капитан! (*Отбрасывает разлетевшиеся бумажки.*)

Капитан, следя за деньгами, горячо, но наскоро целуется.

Прелестнов. Миша! Ангел мой! *(Помогает собирать деньги, разглаживает их и свирепо шепчет Елизавете Семеновне.)* Приберите-с! Это деньги-с! На ключ, в комод-с!.. Великодушный юноша, великодушнейший! *(Снова бросается к Таежникову и хватает его за плечи.)* В глаза! Прямо в глаза мои смотри. *(Трясет его.)* Миша! Проснись! Проснись, слышишь!

Монастырский *(отталкивая его)*. Да ты сам проснись... Что ты его трясешь?

Прелестнов *(ошалело)*. И буду трясти. Проснись!

Монастырский. Воды на голову капитану! Воды!

Сеня *(хохочет)*. Воды на капитана!

Общий возбужденный смех. Смеется и Таежников.

Паулина поздравляет его, низко и неуклюже приседая.

Паулина. Я так поздравляю, дорогой Михаль Федорович... Я так счастлив, что удостоился. *(Неловко пожимает ему руку и отходит к Тане, обнимает ее; так они вдвоем, в стороне, и сидят остальное время.)*

Горожанкин *(поправляя галстук, фальшиво)*. Имею честь поздравить. Я так безмерно счастлив и

благодарю судьбу, что наше тихое жилище удостоилось...

Таежников (*сухо, не протягивая руки*). Не на чем-с.

Монастырский (*орет*). Удостоилось!.. Тут мраморную доску надо: такого-то числа сей подвал посетили... (*Счастливо хохочет.*) Миша, и неужели это правда? И неужели я не сплю, и они были тут, вот тут, стояли, а?

Таежников. Были, Егор, и стояли, и говорили.

Монастырский (*хохочет*). Не может быть! Честное слово, этого не может быть. А какие они, Миша, расскажи? Я, брат, ничего и не рассмотрел, струсил я, брат: вдруг вспоминаю портрет, и...

Прелестнов (*перебивая*). Дергает меня: они, говорит! Они-с. А я сразу-то...

Монастырский (*перебивая*). Он даже затрясся весь, ей-Богу: удеру, говорит.

Прелестнов (*хохочет*). И удрал! Бежал Гарун быстрее лани²³...

Монастырский. Да погоди, Гавриил... (*С глубочайшей серьезностью.*) Но почему они так недолго, Миша? Вероятно, им очень некогда: занятия, корректура...

²³ *Бежал Гарун быстрее лани* – неточная строка из поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» (1838).

Таежников. Я завтра к ним иду. Они звали.

Почтительное молчание.

Монастырский. Звали?

Таежников (*улыбаясь*). Да и еще просили, чтобы пораньше утром...

Монастырский (*значительно*). Ну еще бы... мало ли вам надо переговорить... о том о сем, еще бы! Литература! Это, знаешь, такая область... фу-ты, черт, что-то и я ошалел. Миша, а что они тебе говорили? А? Скажи, Миша: ведь тут каждое слово на вес золота... скажи!

Все наклоняются к Таежникову и смотрят ему в рот.

Таежников. Что они говорили? Да вот говорили, что им очень понравилось... очень. Да. И Григорий Аполлонович даже...

Монастырский (*шепотом*). Григорий Аполлонович... Ну?

Таежников. Да: что очень понравилось. И просили завтра приходить утром... (*Разводя руками.*) Не помню!

Некоторое разочарование.

Монастырский. Ну, как не помнишь? Ты вспомни, Миша!..

Таежников. Руку... руку пожимали. *(Хмуро.)* Не помню.

Монастырский. Ага – руку! Да, брат, это, знаешь... *(К остальным.)* Когда такие пожимают руку, это, вы понимаете?..

Прелестнов *(убежденно).* Это не кот наплакал, да-с!

Монастырский *(презрительно глядя на него).* Ну и... – осел же ты, капитан! Сам ты кот. Ну, Миша, а дальше, а дальше? Что Незабытов говорил, очень хвалил, да?

Таежников *(хмуро).* Дал двести рублей. В счет гонорара.

Монастырский. Ага! Ну, конечно же, о Господи: нельзя же тебе здесь оставаться! Сегодня же... то есть завтра с утра буду искать тебе комнатку, я уже знаю, где... Еще бы! Теперь они небось к тебе каждый день будут захаживать, этак запросто, а? Здравствуйте, Михаил Федорович, – а? *(Серьезно.)* Да и вообще, литераторы, разговоры, теперь тебе надо держаться очень строго, Миша, ты теперь даже права не имеешь!.. Я даже думаю, что надо две комнатки: одна

спальня, а другая приемная, ведь нельзя же в одной комнате и чтобы спать, и чтобы литература... (*Восторженно.*) Литература, Миша! – А как вы посоветуете, Елизавета Семеновна, вы дама, знающая эти вообще светскости?

Елизавета Семеновна. Если вы уже спрашиваете меня, то я посоветовала бы три комнатки... хоть скромные, но три комнатки, обязательно три. Столовая, спальня и кабинет... (*кашляет*) и кабинет с письменным прибором. Роскоши, конечно, не надо...

Монастырский (*решительно*). Завтра же ищущу! Капитан, надевай все ордена, и идем вместе искать.

Прелестнов. Идем... эх, нынче, жалко, не надел!

Монастырский. Кто ж знал!.. Да что ты, Миша, улыбаешься на нас, что это за ирония такая? Неужели ты станешь спорить, что комнаты тебе не надо... ну не три, так две?

Таежников. Нет, комнату надо. (*Снова хмурясь.*) Я о деньгах, Егор: тебе не кажется, что это... как бы тебе выразить мою мысль?.. что это лишнее?

Прелестнов. Лишнее?!

Монастырский (*удивленно*). То есть как это лишнее? Но ведь ты же их заработал, Михаил? Ведь это же не подарок или... извини... не подачка на бедность? Знаешь, я сам идеалист, как и ты, но этого я не понимаю. Подумайте, господа: человек не спит ночи,

работает, человек пишет соком и кровью своих нервов²⁴, как сказал поэт, и вдруг!.. Лишнее!

Таежников (*сперва нерешительно, потом резче*). Да, конечно, я их заработал, но... (*страдальчески улыбаясь*) жалко как-то, Егор!

Монастырский. Чего жалко?

Таежников. Сам еще не знаю, чего, а жалко. Ведь я не думал о деньгах, когда писал, и вдруг выходит, что это – деньги. Я не понимаю, как это может быть: вдруг – деньги, какие-то бумажки! Мне кажется, что теперь я буду бояться писать...

Монастырский. Да чего бояться?

Таежников. Не знаю, Егор... вероятно, это просто нервическое ощущение... (*Задумываясь.*) Да, я счастлив нынче, я так счастлив, что рад бы был даже... умереть, понимаешь, умереть... чтобы навсегда сохранить эту минуту, но... жалко мне чего-то!.. Так жалко!..

Елизавета Семеновна (*подводя старичка*). Михаил Федорович, вот Яков Иваныч очень желает вас поздравить... (*Конфиденциально.*) Он глуховат, бедненький, но он такой деликатный... Яков Иваныч, го-

²⁴ ...человек пишет соком и кровью своих нервов... – неточная цитата из статьи-памфлета немецкого публициста Людвиг Берне (1786–1837) «Менцель-французоед» (1837): «Я пишу кровью моего сердца и соком моих нервов» (Берне Л. Сочинения. В 2-х т., т. I, изд. 2-е. СПб., 1896, с. 7).

ворите! – Ну?

Яков Иванович (*кланяясь*). Многоуважаемый Михаил Петрович...

Елизавета Семеновна (*поправляя, страдальчески*). Федорович!

Яков Иванович. А? Я и говорю: Федорович. Достоуважаемый Михаил Федорович, я уже совсем... старик...

Таежников (*вставая, взволнованно*). Боже мой, я так польщен. Яков Иванович!.. Что же вы стоите, пожалуйста, сюда, на мое место! (*Сажает его.*)

Все полукругом окружают старичка.

Яков Иванович (*сидя*)....я уже совсем старик, но я тоже читал книжки, да, тоже читал книжки... «Цын-Киу-Тонг», господина Зотова²⁵, и еще... еще «Алексис, или Хижина в лесу», господина Дюкре-Дюминиля²⁶...

²⁵ «Цын-Киу-Тонг» господина Зотова. – Зотов Рафаил Михайлович (1795–1871) – писатель и театральный деятель, автор исторических романов, в том числе и романа «Цынг-Киу-Тонг, или Добрые дела духа тьмы» (1857).

²⁶ «Алексис, или Хижина в лесу» господина Дюкре-Дюминиля. – Дюкре-Дюмениль Гильом (1761–1819) – французский писатель, автор исторических романов, в том числе романа «Алексис, или Домик в лесу. Манускрипт, найденный на берегу Изеры и изданный в свет сочинителем Лолитты и Фанфана» (1794).

очень хорошо, да. А? *(Неожиданно декламирует дрожащим голосом, подняв руку.)* «Се древний Росс...»

Общий смех, смеется и Яков Иванович, повторяя:
«Се... древний Росс!..»

Таежников *(удивленно и испуганно)*. А Таня? Где же Таня?

Таня *(из угла)*. Я здесь, Михаил Федорович.

Занавес

Действие четвертое

Через неделю после изложенных событий. Обстановка та же. Воскресенье.

Время перед сумерками.

В комнатке Таежникова, за полуотдернутым занавесом, он сам и Монастырский – готовятся к переезду. Монастырский увязывает скарб и книги. Таежников проглядывает и рвет старые рукописи: на полу уже порядочная груда рваной бумаги. Кровать Таежникова с ее блинообразным матрасиком обнажена. В большой комнате Горожанкин и Елизавета Семеновна, уже одетые для выхода: отправляются в гости и делают последние распоряжения Сене. Горожанкин нетерпелив, Елизавета Семеновна счастлива, что с трезвым мужем идет в гости.

Елизавета Семеновна. Ты же смотри, Сеничка, види себя хорошо, как ведут себя Милые и воспитанные дети. Возьми книжку...

Сеня. Хорошо, мамочка.

Горожанкин. Без шалостей чтобы! Слышишь!

Елизавета Семеновна. Возьми книжку, почитай. Мы скоро вернемся.

Сеня. Хорошо, мамочка.

Елизавета Семеновна. Пожару, смотри, не надевай. И следи, чтобы лампа не коптила, как начнет разгораться, ты фитиль и опусти немного. Танечка, вероятно, еще раньше нас придет, она к Полине Ивановне пошла, так ты попроси ее дать тебе поужинать. А если раньше захочешь спать...

Горожанкин. Да скоро вы, Елизавета Семеновна! Жду, жду!

Елизавета Семеновна. Сейчас, Тимофей Аристархович, погоди минутку... нельзя же дом так оставлять! Так если раньше спать захочешь, Сеничка, то знаешь, где бутылка с молоком?

Сеня. Знаю, мамочка.

Елизавета Семеновна. Боюсь, не скислось ли...

Сеня. Нет, оно на окне стоит, там холодно.

Горожанкин. Елизавета Семеновна! Тронемся мы когда-нибудь или нет?

Елизавета Семеновна. Идем, идем! Ну – Христос с тобой... мы скоро вернемся... пожару не надей... *(Громким шепотом.)* Господи, еще с Михаил Федоровичем не простилась!

Горожанкин *(морщась, шепотом)*. Эх! Нужно!

Елизавета Семеновна. Нельзя же, Тимофей Аристархович, что ты говоришь: Михаил Федорович всегда так хорошо относился к нам, я так ему благодарна... это было бы просто невежливо! Ну, иди, Сенич-

ка, иди, видишь, папа сердится!..

Сеня уходит во внутреннюю дверь, Елизавета Семеновна окликает студента.

Извините, Михаил Федорович, на одну минуту... Мне так неловко...

Таежников выходит, сухо кланяется Горожанкину.

Хочу проститься с вами, дорогой Михаил Федорович, и пожелать вам всего, всего лучшего... на вашем новом поприще. Мне так неловко, что как раз сегодня, в минуту вашего отъезда...

Таежников. Помилуйте-с, какие пустяки! Пожалуйста-ста!

Елизавета Семеновна. Нет, нет, это так неловко вышло... но как раз сегодня мы званы в гости... такая милая, воспитанная семья!.. будет маленькая стуколка...

Горожанкин (*фальшиво улыбаясь*). Любит картишки моя супружница! Честь имею откланяться, безмерно счастлив, что имел случай...

Таежников (*перебивая*). Пожалуйста, не беспокойтесь, Елизавета Семеновна, сегодня мы с Егором только вещи перевезем, а я еще и завтра у вас бу-

ду... и, вообще, позвольте быть вашим неизменным гостем. Я так вам благодарен!..

Елизавета Семеновна *(со слезами)*. Вы – как родной нам... ну, идем, идем, Тимофей Аристархович, не сердись!

Еще раз обмениваются пожатиями и неопределенными восклицаниями, выражающими взаимное расположение, – и Горожанкины уходят.

Монастырский *(издали)*. Ушли?

Таежников *(входя и снова принимаясь за рукописи)*. Ушли, ушли.

Монастырский. И краснорожий мерзавец ушел?

Таежников *(усмехаясь)*. Ушел.

Монастырский. Видеть его рожу не могу... из-за него я и к Елизавете Семеновне не вышел. Предательская харя!.. *(Закатывает в одеяло подушку и все остальное имущество, завязывает веревкой, побряхтывая.)*

Таежников читает, улыбаясь.

Я думаю, что и извозчика брать не надо: и так дотащу. Не стоит двугривенный тратить, а?.. Миша!

Таежников *(рассеянно)*. Можно и извозчика взять.

Монастырский. Ну вот еще! Стоит ли! Ты книги возьмешь, а я все остальное... далеко ли тут. (*Садится и закуривает.*) Думал я, что часа на полтора работы хватит, а вот уж и убрался. – Что – смешно?

Таежников (*рвет*). Смешно, Егор. Смешно и как-то неприятно, неужели я мог так писать?

Монастырский. Преувеличиваешь. Ведь тогда нравилось?

Таежников. В том-то и беда, что нравилось! Пушкин говорит, что писатель сам свой высший суд²⁷, а какой же это высший суд, когда я эту жалкую рвань таскал по редакциям... и ведь упорно таскал! Даже жутко подумать, какие еще могут быть ошибки.

Монастырский. Ну, что ты, Михаил: теперь у тебя такие советчики – это не мы с Татьяной Тимофеевной.

Таежников. А если и они ошибутся? Вдруг скажут, что это... ну, новое, что я еще напишу, никому не годится? Тут, брат, можно и голову потерять.

Монастырский. Да зачем же они скажут? Говорили одно, а потом скажут другое? Мнительный ты человек, Миша, недоверчивый... ты вспомни только, что это за люди!

Таежников (*задумчиво*). Да – люди совсем необыкновенные. Это счастье: встретить таких людей на сво-

²⁷ Пушкин говорит, что писатель сам свой высший суд. – См. стихотворение А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

ем пути. Какая пламенная душа у одного! Какой тонкий и спокойный ум у другого! Ты правду сказал: я мнителен и недоверчив, несчастье и люди научили меня этому пороку, а с ними – я себя не узнаю!

Монастырский (*восторженно*). Да что ты!

Таежников. Честное слово! Я развязан, я прост, я даже шучу!.. Это я-то!.. и знаешь, довольно недурно шучу, вчера мы все так хохотали, я капитана изобразил!..

Оба смеются.

Монастырский. Ну? Капитана!

Таежников. Хотят с ним познакомиться, особенно Григорий Аполлонович. Надо будет повести его...

Монастырский (*в испуге*). Ну что ты, как можно! Нет, не надо... пустится он еще в литературу, таких цитат наделает! И скажи, Миша: неужели тебе не страшно с ними? Я бы от страха умер, а ты еще шутишь... Какой ты!

Таежников. Да, может быть, я от страха и шучу!.. Нет, сочиняю, с ними я забываю всякий страх. Удивительное явление, но с ними как будто прибавилось у меня и таланта, и души, и ума – не узнаю себя, да и только! И в то же время... будто постарел я, Егор, будто в одну эту неделю мне прибавилось два десят-

ка лет.

Монастырский. Пустяки! Наоборот: ты и с лица мо-
ложе стал, и в движениях у тебя появилась такая жи-
вость... даже пополнил как будто! Ей-Богу!

Таежников. Ну уж – пополнил!.. *(Задумчиво.)* А ве-
рить все-таки – буду только себе. Да, себе.

*Молчание. Монастырский, покуривая, наслажда-
ется видом товарища.*

Монастырский. Ты счастлив, Миша?

Таежников. Счастлив? Право, не знаю. Должно
быть, счастлив, а то как же?

Монастырский. Знаешь, как мне представляется
этот вечер, когда они пришли? Его тайное значение
– понимаешь? Будто это – Введение во храм, празд-
ник... понимаешь?

Таежников *(задумчиво)*. Да, пожалуй.

Монастырский *(значительно и тихо)*. Понима-
ешь: «Восстань, пророк – и виждь и внемли – испол-
нись волею моей – и, обходя моря и земли – глаго-
лом жги сердца людей»! *(Полным голосом.)* «Глаго-
лом жги сердца людей»! *(Значительно поднимает
руку с папирсой.)*

Таежников встает и беспокойно ходит по комна-

те, хмурясь и кусая губы.

(Нерешительно.) Конечно, тут речь идет о пророке, и, может быть, это не совсем удачное сравнение, но...

Таежников *(резко)*. Не в этом дело. Глаголом жги сердца людей – тебя это особенно поражает, да? Нет, милый, тут дело в другом... вот: исполнись волею моей! Я, брат, человек не робкий, я даже дерзкий человек, но когда я представляю это *(тихо и значительно)* исполнись **волею моей** – мне страшно до дрожи, до холода в спине! Ты понимаешь: **чья** это воля?

Монастырский *(тихо)*. Понимаю.

Таежников. Хочется бежать, как трусу, укрыться одеялом с головой... так это страшно и невыносимо! А вдруг не выдержу? А вдруг – предам?.. мало ли пророков изменяло своему священному долгу! А если еще хуже: погрязши в тину мелочей, предавшись суете бегущих дней, в заботах о ничтожном и земном – забуду я священные глаголы и подменю их... кимвалом бряцающим!.. Страшно, Егор. А впрочем... вздор все это, нервнические бредни. Какие там глаголы! Буду литератором, как и многие другие, вот и все. – Нам надо трогаться. Егор, нынче вечером я опять у них, какое-то собрание. Все готово?

Монастырский. Все. *(Хмуро.)* Скрытый ты человек, Михаил: иногда даже обидно.

Таежников. Не обижайся, я тебя люблю. Пустяки, брат. Что ж... разве взглянуть на эти стены, проститься с ними... выйди сюда, Егор.

Выходит на середину, осматривается задумчиво, Монастырский также.

Монастырский. Бедность!

Таежников. Печальное и темное жилище: воздух тяжел, как в склепе, и так мутен этот нищенский свет! А живут... *(Задумывается.)*

Монастырский. И ты жил.

Таежников. Да, жил.

Монастырский. А пройдет время, и все это, печальное и темное, станет в воображении, как милый призрак... Вот тут мы в стуюлку играли, когда они вошли...

Таежников *(усмехаясь)*. А вот тут, на полу, я пьяного Горожанкина полотенцем связывал, а он меня за палец укусил... Идем!

Идут в маленькую комнату. Монастырский сзади.

Монастырский. Миша!.. Нет, я о личном *(смуцаюсь)*... хочу я у тебя совета попросить. Видишь ли, в чем история: приглашают меня на зиму в провинцию,

и знаешь, того... в оперу!

Таежников (*радостно*). Да что ты! Это история!

Монастырский. Кха... да, история. Неважная, конечно, опера, провинциальная, но после моих подвигов в саду «Кинь-грусть» это – как бы тебе сказать – карьера, да. Пустяки, в сущности: импресарио один меня увидел, когда я Ахилла выкамаривал. (*Поет.*) Я Ахилл-хил-хил²⁸...

Таежников (*взволнованно*). Не балагань, пожалуйста. Так вот как, а?

Монастырский. Пока царей и жрецов буду петь: он нашел во мне этакую величественность; и походка, говорит, достаточно журавлиная...

Таежников. Оставь! (*Ходит, поглядывая на скромно Сидящего Монастырского.*) Так вот как! Ах ты, рожка! Да, да, конечно – и ты отсюда, и я. И вдруг... пройдет десяток лет и... (*Останавливается перед Монастырским.*) Егор, ты воображаешь?

Монастырский (*тихо*). Воображаю.

Счастливо и задумчиво улыбаясь, смотрят друг на друга.

²⁸ Я Ахилл-хил-хил... – начало куплетов Ахилла из оперы-фарса Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена», чрезвычайно популярной в конце 1860-1870-х гг.

Таежников (*тихо и вдумчиво*). Ах ты, рожа!..

Монастырский (*расплываясь в улыбке*). Мы уж вчера и договорчик смахлевали, я уж и денег на фрак взял... (*Хватаясь за голову, как от зубной боли.*) Миша, подумай: я – во фраке!

Смеются.

Что будет с капитаном, когда увидит!..

Таежников (*смеясь*). Да, я думаю! (*Что-то вспоминая.*) Да, с капитаном... я ведь с тех пор его и не видал. А что Татьяна Тимоф... Таня, я и ее что-то не вижу?

Монастырский. Ее я видел сегодня... ничего. Здорова. Вчера я их с Полиной видал.

Таежников. Ну – идем.

Монастырский (*медлит*). Идем, брат, идем... (*Смотрит на большие серебряные часы-луковицу.*) Двадцать две минуты пятого, рано еще.

Таежников (*с любопытством, протягивая руку*). Покажи часы.

Монастырский. Нет, это старые, выкупил вчера. Еще отцовские, ты их знаешь.

Таежников. Да, знаю... Ну... что ж ты? Чего ты мнешься?

Монастырский. Не осуди, Михаил, не выслушав,

будь справедлив! Я всегда был твоим вернейшим и преданным другом и, ежели я решился... или, вообще, невпопад, то... Составили мы тут один заговорчик против тебя, хотим уловить вашу милость в некоторые сети...

Таежников (*хмуро*). Кто это: «мы»?

Монастырский. Да вот Татьяна Тимофеевна, я и... еще одна особа.

Таежников (*хмурясь сильнее*). Что это еще за особа? Ну?

Монастырский. Не хмурься. Миша, мне ужасно больно, когда ты начинаешь хмуриться и на лбу у тебя эта печальная складка... зачем она теперь? Помнишь, что я говорил тебе про солнце? Вот оно и взошло, и это грех, Миша: не улыбнуться навстречу божественному светилу! Вспомни притчу о тех, кто на брачный пир явился не в праздничных одеждах...²⁹

Таежников (*усмехаясь*). Ты уже и о притчах? Праздничные одежды? Это что же значит: что и я должен заказать себе фрак?

Монастырский. Не шути, Михаил. Я серьезно.

Таежников. Да и я серьезно. Ты о Раисе эту притчу?

Монастырский. Да. Извини, Миша. Но мы, брат,

²⁹ ...притчу о тех, кто на брачный пир явился не в праздничных одеждах... – евангельская притча (см.: Евангелие от Матфея, гл. 22).

убедились... совершенно и глубочайше убедились, что это такая верная, такая преданная любовь, такая... Было бы грехом и безумием...

Таежников (*нетерпеливо*). Да кто это «мы»?

Монастырский. Татьяна Тимофеевна и я. Извини, Миша.

Таежников (*почти кричит*). Да ты с ума сошел – ты бредишь? При чем тут Татьяна Тимофеевна? Что за нелепость! И откуда она знает про эту «верную и преданную» любовь?.. Таня никогда не говорила этого вздору!

Монастырский. Да, не говорила, но они давно уже... переписываются и даже выдаются. Они друзья теперь, Миша... не смотри так!

Таежников. Генеральская дочь?

Монастырский (*горячо*). Пусть, пусть, Миша... ну да, генеральская дочь и все такое – но будь справедлив! Если бы ты видел своими глазами, как я, если бы ты видел эту генеральскую дочь, когда она, со всей своей гордостью и красотой, на коленях умоляла Таню о прощении... Что это были за святые слезы, Миша! Она руки ей целовала, она билась у ног ее... у ее стоптанных башмаков, как... как... Эх, Миша!

Таежников. Дальше!

Монастырский. Ой, будь справедлив, Михаил! Ой, не погреши! Ты знаешь ли, что Таня вот уже полтора

месяца бросила свое проклятое и гнусное ремесло, – ты знаешь это?

Таежников (*упавшим голосом*). Нет, я этого не знал. Погоди. Жил рядом и не знал, и думал...

Монастырский. Да вот – жил рядом! Я не упрекаю тебя, Миша, у тебя и своих дум было достаточно, но...

Таежников. Как же они живут? Горожанкины?

Монастырский (*восторженно*). Да Раиса же! Раиса же Филипповна и денег дала, и все устроила, и теперь Таня навсегда обеспечена и счастлива... ах, Михаил, ведь это воскресение для бедной девушки!

Таежников внезапно сильно бледнеет и наступает на Монастырского.

Таежников. Постой: а эти?

Монастырский. Какие эти? Что ты?

Таежников. Эти?.. Ну – эти, которые пришли...это тоже комедия? А? Введение во храм... а?.. это тоже нарочно, да? Тоже Раиса?.. (*Наступает.*)

Монастырский. Михаил, опомнись! (*Гневно.*) Тьфу ты пропасть! Да что – в тебя черт вселился? Что ты смотришь, как бешеный. Опомнись!..

Вошла Раиса Тугаринова; оба дико смотрят на нее.

Раиса (*нерешительно*). Добрый день.

Монастырский (*не здороваясь, возбужденно*). Вы слышите? В него черт вселился! Думает, что это мы к нему Незабытова прислали, что это мы... тьфу ты пропасть! Всякое терпение лопнет с такими... (*Хватает пальто и шляпу и устремляется в дверь.*)

Раиса. Монастырский!

Монастырский (*с порога*). Знаю, знаю, через полчаса вернусь. Не могу. Черт его возьми совсем! Этакая... (*Уходит.*)

*Таежников, зло усмехаясь, смотрит ему вслед.
Напряженное молчание.*

Таежников. Прошу вас садиться, Раиса Филипповна.

Раиса. Что с Монастырским?

Таежников. Ничего особенного-с. Дружеская сцена. – Чем могу служить?

Раиса. Не надо этого тона, Мишель. Я пришла...

Таежников. Вижу-с. Это и есть заговор, о котором мне говорили? (*Кричит.*) Не выношу-с. Опять прямо к цели?!

Раиса. Михаил Федорович, милый!..

Таежников. Заговоры! Великодушные друзья,

устраивающие счастье... что это за мелодрама? Не выношу-с!

Раиса. Мишель, вы так кричите... я боюсь...

Таежников (*сдерживаясь*). Извините. (*Усмехаясь*.) Правда, мои манеры... как вы говорили, Раиса?

Раиса. Не надо этого тона, Мишель. Я пришла... (*Плачет*.)

Продолжительное молчание. Таежников упорно смотрит в стену, бледный и хмурый.

(*Оправляясь*.) Не гневайтесь, я больше не буду плакать. Можно говорить, Мишель? Вы тогда сказали, что вам нечем вознаградить мою любовь, а даром вы ничего не хотите, а теперь?.. Мишель, вы были тогда жалким студентишкой, выгнанным за бедность, бездарным неудачником, обивающим пороги у редакций, – а кто вы теперь? И если тогда – если тогда! – я верила в ваш гений, в вашу судьбу, если и в ту пору вы были единственным властителем моих чувствований и дум, – то что же мне сказать теперь? Я вам верна, Мишель, только и могу сказать. – Вы молчите?

Молчание.

Таежников (*угрюмо*). Все это – от ума, Раиса. Вы

слишком умны, чтобы... просто любить. Когда...

Раиса (*поднимая руки для защиты*). Нет, нет, – не это! Остановитесь, Мишель, подумайте, что вы говорите... Мишель!

Таежников (*настойчиво и зло*). Когда вы заплакали давеча, я чуть не поверил вам, мое сердце дрогнуло, но вот слышу я голос ваш... вашу умную, как всегда, речь... вижу ваши надменные, даже после слез надменные глаза, – и я сомневаюсь. Я снова не верю вам, Раиса, простите меня.

Раиса (*с ужасом*). Вы не верите?

Таежников. Нет, не верю. Мне очень жаль, Раиса, говорю это искренно... но есть что-то во мне, что никогда не поддастся обману. Обман. (*Резко.*) Зачем эта комедия с Татьяной Тимофеевной?

Раиса. Это не комедия! Мишель, Мишель, – остановитесь, взгляните на меня!

Таежников (*еще резче*). Я повторяю: зачем эта оскорбительная комедия с Таней? Я не верю-с – ни в ваши позы, ни в ваши поцелуи... на колени, обнимать ноги, прижимать к груди стоптанные башмаки – о, какое кощунство! Этих бедных и доверчивых людей вы могли обмануть вашими умными речами, вашей талантливейшей игрой, достойной театра, но меня вы не обманете! Нет.

Молчание.

Раиса (*тихо*). А если я убью себя, ты и тогда... не согласишься?

Таежников. И тогда не поверю.

Раиса. И тогда?

Таежников. О, я знаю тебя! Я знаю, что ты способна на пытки, на самую жестокую смерть, только бы хоть в смерти добиться своего. (*Презрительно.*) Что смерть!

Молчание.

Раиса (*тихо*). Что же мне делать? Скажи.

Таежников. Не знаю. Ищи сама. Не знаю!

Молчание. Раиса очень бледна под вуалью. Таежников искоса взглядывает на нее и отводит глаза; тихонько поламывает пальцы.

Один вопрос. Что это за комедия с Татьяной Тимофеевной, я вас спрашиваю? Вы с ней видаетесь, вы чуть ли не дружны... что это за комедия? Раиса!

Раиса (*вяло*). Это не комедия.

Долгое молчание.

(Едва шевеля губами.) Мне можно уходить?

Таежников. Да, уходите. Если вы хотите.

Раиса встает и поправляет вуаль.

Погодите... Вы дали ей денег?

Раиса. Дала.

Таежников. Я вам возвращу эти деньги.

Раиса. Хорошо. Мне можно идти?

Таежников. Да.

Раиса идет.

Раиса!

Раиса *(останавливаясь)*. Что?

Таежников. Нет, я не могу, чтобы вы так ушли. Раиса... о Боже мой, что же мне делать, что же мне делать? Раиса! Докажите мне... докажите мне, что вы любите меня: я хочу поверить и не могу!

Раиса *(вяло)*. Я не могу доказать.

Таежников *(топая ногой)*. Ну, закричите... заплачьте, я должен поверить, я не могу так! Пожалейте меня, разорвите этот туман, этот туман... ах, что у меня с головой! Заплачьте, я хочу видеть слезы, я хочу верить!

Раиса. Я не могу заплакать.

Таежников. Я тебя убил?

Раиса (*вяло*). Я не знаю. Пустите меня, я лучше пойду...

Таежников. Раиса!

Раиса (*едва шевеля губами*). Я боюсь, что вы кричите. Я лучше пойду. Мне надо идти. Не сердитесь, Мишель, я приду завтра. Я... (*Умолкает.*)

Таежников (*тихо, с отчаянием*). Ты говоришь как мертвая. Я тебя убил? Я убил тебя, моя красавица? (*Почти с рыданием.*) Моя гордая красавица, что же я сделал с тобою!.. (*Сажает ее на стул и становится на колени, прячет голову.*)

Молчание. Раиса тихо гладит его волосы.

Раиса. Это ничего. Не надо. Я лучше завтра приду. Это так сразу, я не ожидала. У меня немного голова... Не надо.

Таежников целует ее руки.

(*Удивленная.*) Ты? Ты целуешь мои руки, Мишель? Ты любишь меня?

Таежников (*пряча голову*). Люблю.

Она гладит его волосы и начинает тихо плакать; левой рукой поднимает вуаль и вытирает катящиеся слезы. Тихие слезы переходят в дрожь и безмолвные рыдания, сотрясающие тело; так же молча, охватив Раису за плечи, старается сдержать их Таежников. Затихает.

Раиса. Я пойду.

Таежников. Иди.

Раиса встает, оправляет волосы и вуаль и, длительно вздохнув, осторожно пальцами касается лба Таежникова. Он тихо целует руку.

До завтра.

Раиса. До завтра.

Таежников. Ты меня любишь?

Раиса. Да. *(Длительно вздохнув.)* А ты?

Таежников. Да. *(Провожает ее и у порога целует коротким, сквозь вуаль, еле ощутимым поцелуем.)*

Раиса выходит. Таежников некоторое время совершенно бессмысленно толчется по комнате, выходит в большую комнату, потом кричит во весь голос.

Монастырский!.. Монастырский!

Никого. *Наконец из внутренней комнаты показывается голова горбатенького Сени и прячется.*

Сеня!.. Сенька! Сеничка!..

Сеня *(высовывая голову).* Мамы нет. *(Снова прячется.)*

Таежников хохочет.

Таежников. Сеня... Сеничка, да куда ты? Это я же ору. Сеня! *(Хочет открыть дверь, но раздумывает и опять орет, наслаждаясь для себя неслыханным громким звуком своего голоса.)* Монастырский! Ахиллес!.. Черт перепончатый!.. *(Вдруг становится серьезен и торопливо собирает разбросанные листки рукописей, тихонько чертыхается, роняя. Насвистывает.)*

Входит, почти вбегает бледный капитан Прелестнов с перекошенным лицом и дико вытаращенными глазами. Одно мгновение, задохнувшись, не может вымолвить слова.

Прелестнов *(задыхаясь).* Миша!..

Таежников (копируя его дыхание, его перекошенное лицо и вытаращенные глаза). Что?

Капитан отшатывается; комически повторяя его движения, отшатывается и Таежников. Мгновение – дико таращатся друг на друга.

Прелестнов (как будто поняв). Миша!.. Ты уже?..

Таежников (также). Капитан!.. Я уже. А ты?

Прелестнов (опять не понимая, со страхом). Да что ты?

Таежников (наступая). А ты что?

С угрожающим видом наступает на капитана, тот пятится.

Таежников хохочет.

Прелестнов (бормочет). Да что ты! Перекрестись! Перекрестись, Бог с тобой! – Таню лошади задавили.

Таежников (отшатывается). Что?

Прелестнов. Таню лошади задавили. Где же эти... мать где? Я думал, ты уже знаешь. Несут. Лошади задавили. Там Монастырский, мы... (Ляскнув зубами.) Мы видели. Где мать? Я пришел. Постой!.. (Заглядывает во внутреннюю дверь, зовет: «Сеня!»)

Сеня выходит; на носу у него большие, стариковские, с увеличительными стеклами, очки.

Мать где?

Сеня. Ее дома нет, в гости пошла, а я книжку читал.

Прелестнов (*пугаясь очков*). А очки – зачем очки?

Сеня. Я книжку...

Прелестнов. Зачем очки?

Сеня. Мне доктор велел, я книжку читал.

Прелестнов. Э, да ну тебя! Таню лошади задавили, слышал? Несут... эх, а матери нет!

Сеня. Какие лошади? (*Кричит.*) Мама, мамочка!.. (*Плачет.*)

Таежников в столбняке.

Прелестнов. Перестань! Не смей кричать, я тебя!.. Цыц! Ох, Боже ты мой, Господи! А куда ушла мать, надо сходить за ней, куда ушла?

Сеня. Не знаю.

Прелестнов. Не смей трястись, слышишь! Не орать – рот заткну... Миша, хоть бы ты его как-нибудь... Отойди, несут!

Широко распахивается дверь. По лестнице, в большой тишине спускаются люди с бесчувствен-

ным телом Тани. Несут ее: Монастырский, пожилой хожалый, еще трое-четверо из случайных уличных прохожих. Одеты бедно, господ нет. Две женщины с этого же двора простоволосые; одна, пожилая, плачет.

В комнате темнеет.

Пожилая женщина (*тихо и суетливо*). Да нельзя же ногами вперед, примета такая... Мужики! да нельзя же ногами...

Хожалый. И без тебя знают.

Прохожий (*молодой мастеровой*). Как же ее по лестнице головою вниз? Дура.

Пожилая женщина. Сам дурак! (*Плачет.*) Ох, батюшки мои, голубчики, кровушки-то, кровушки...

Прелестнов (*тихо и свирепо*). Молчать!..

Монастырский. Сюда клади... на постель... ногами-то, ногами-то заходи!

Пожилая женщина (*плачет*). Батюшки, голубчики...

Прелестнов. Молчать! Не выть! Сюда, сюда, клади... так, так.

Таня стонет. Тихо переговариваясь, ее укладывают на постель.

Кто-то приносит из кухни воды, хлопочут.

Вторая женщина (*Прелестнову, тихо*). Барин, шляпка-то ихняя. Шляпку ихнюю возьмите... Барин, шляпку ихнюю...

Прелестнов свирепо отталкивает ее; женщина осторожно кладет смятую, исковерканную шляпу на подоконник.

Вторая женщина. Барышнина. – Мальчик, а ты чей?

Сеня (*дрожа*). Здешний.

Вторая женщина. Ай-ай, зачем же тут сидишь? Иди, иди, тут тебе нехорошо. Смотри, сидит... ишь ты, еще в очках!..

Пожилая женщина (*хлопоча*). Иди, иди, мальчик, нехорошо. Куда тут вас?.. (*На любопытных.*) А вы чего не видали? У – бесстыдники!

Обе женщины уводят Сеню в кухню. В дверь протиснулись еще любопытные, заглядывают через плечи, перешептываются.

Голоса. Не толкайся!

– А кто ж это стоит?

– Кто?

– Жилец.

– Кого это?

– А ты не видишь кого?

– Таньку задавили.

– Пьяную, что ли?

– Должно, пьяную: чверезый под лошадь не попадет.

– Не толкайся.

– Ну и господа живут... Тоже чиновники.

– Сам-то ты под лошадь не попади... ишь, нализался? Капитан (*свирепым шепотом выгоняет их*). Вон, вон!

Вон! Что набрались, – не видали? Вон!

Уходят.

Голос. Ишь, разошелся красноносый! Тоже, вон!

Прелестнов. Я тебе покажу красноносого, живо в квартал отправлю!.. Вон!

Захлопывает дверь. Постепенно расходятся и принесшие Таню. Таня пришла в себя, стонет и что-то говорит. Монастырский наклоняется к ней. Во все это время Таежников молча, расширенными глазами, приложив руку к груди, смотрит то на принесших, то на Таню. Так же, повторяя движения других,

становится на носки и старается заглянуть туда. Обе женщины выходят из кухни, с ними и Сеня.

Пожилая женщина (*капитану*). Боится там один, не хочет.

Прелестнов. А?.. Ну, ладно, ладно. Ты вот что, ма-тушка: огня бы надо, темно... Где у них тут?..

Пожилая женщина. Я сейчас. Я найду... (*Зажигает лампу, от которой сразу темнеют углы и на стенах появляются странные и уродливые тени.*)

Вторая женщина сажает Сеню в углу на стул, где он и сидят тихо и неслышно, горбатый, старообразный, поблескивая забытыми очками. Грозит ему пальцем.

Вторая женщина (*шепотом*). Тут сиди, слышишь? Сестричка больна!

Монастырский. Свет, свет в глаза. Лампу уберите.

Прелестнов. На пол поставь.

Женщина ставит лампу на пол в угол, так что кровать и Таня остаются в густой тени. Монастырский на носках подходит к этим.

Монастырский. Про мать спрашивает. Сеня, где

мама, куда они пошли?

Сеня (*взглянув на капитана, дрожа*). Не знаю.

Монастырский. Ну что, Миша?

Таежников. Ничего.

Пожилая женщина (*шепнет*). Я знаю, куда они пошли. Они в пятую роту пошли, у них там знакомые живут, ой, матушки, далеко! Да я схожу... как же, в пятой роте, я знаю...

Хожалый. Ты извозчика возьми, пешком далеко. Так я пока что на пост пойду. Тогда заявку сделаете, если что.

Монастырский (*что-то шептавший Тане, оглядываясь*). Доктора же, слышишь!

Хожалый. Какой тут доктор... в праздник-то. Поищу, может, и найду. Тогда заявку сделаете, если что, мальчишку пошлите.

Обе женщины и хожалый выходят. В комнате остаются: Таня, Монастырский, Таежников, капитан и Сеня. Таня затихла. Монастырский подходит к Таежникову, берет его за локоть.

Монастырский. Миша!.. (*Тихо.*) Посиди около нее, капитан, я сейчас. Миша, Михаил, не надо смотреть, на тебе лица нет. Доктора надо, говорят... какой тут доктор, когда... эх!

Таежников. Егор!

Монастырский. Что, милый, ну?

Таежников. Нет, ничего, я спокоен. Егор, скажи мне: что случилось? Нет – что случилось? Кто я – убийца? Или кто? Егор, – или кто?

Прелестнов (*тихо*). Миша, Михаил Федорович, она тебя зовет. Пойди. (*Уступает место.*)

Таежников (*поспешно*). Иду.

Монастырский. Постой, капитан: возьми отсюда Сеню, отведи его в ту комнату. И сам... понимаешь?

Прелестнов. Понимаю. (*Что-то тихо говорит Сене и уводит его.*)

Монастырский ушел в маленькую комнату и, зажав голову руками, садится на пустую кровать Таежникова. Таежников молча, в покорном ожидании, сдерживая судороги лица, стоит у изголовья Тани.
Молчание.

Таня (*слабо*). Михаил Федорович...

Таежников. Я здесь, Таня.

Таня. Сядьте.

Таежников послушно берет стул и садится.
Молчание.

Не надо доктора.

Таежников. Хорошо. Таня. Это нечаянно...

Таежников (*не понимая*). Что нечаянно, Таня?

Таня. Что лошади... Я шла... просто... а тут лошади... воды дайте.

Таежников подает воды, руки его дрожат.

Руки дрожат... не надо. Я клянусь.

Таежников. Что, Танечка, я не понимаю?

Таня. Что нечаянно. – Михаил Федорович.

Таежников. Что?

Таня. Я умру. Бог простит меня?

Таежников. Простит, Таня. Бог простит тебя.

Таня. Правда?

Таежников. Я верю, Таня! Бог простит тебя, Таня!..

Ты говорила, что умрешь, когда я умру. Зачем же ты раньше? Или я умер? Милая ты моя, милая ты моя!..

Таня. Не надо.

Молчание.

Нагнитесь. – Раиса очень хорошая, Михаил Федорович.

Таежников. Что?

Молчание.

Таня!

Молчание. Видна усиливающаяся бледность Таежникова, его перехваченное, ускоряющееся дыхание.

(Встает и, продолжая смотреть на неподвижную Таню, зовет.) Егор!..

Монастырский *(вскакивая).* Что? *(Подходит к постели.)*

Оба некоторое время молча и внимательно смотрят на неподвижное белое пятно и отходят.

Монастырский. Надо капитану... *(Окликает в дверь.)* Капитан, Гавриил!

Прелестнов *(выходит).* Что?.. Ага! Так.

Молчание. Трое мужчин стоят в нерешительных и странных позах.

(Вздыхнув, громко.) Ну, – царствие небесное, вечный покой. Отмучилась. Что ж, господа... надо лицо прикрыть. – Так, теперь хорошо. – Да-с. Да и что за

жизнь, господа, если вникнуть? Миша, Михаил Федорович, уходил бы ты, брат, что тут тебе делать... взял бы ты его, Монастырский.

Таежников (*твердо*). Нет, я ничего. За Елизаветой Семеновной послали?

Монастырский. Послали... где-то они в пятой роте. Да!..

Прелестнов. Родители, это... Ну, да и то, господа: на все воля Божия!

Таежников. А Паулина?

Прелестнов. Что ж Полина? Поплачет, вот и все — на все воля Божия. Надо покоряться, господа... конечно, жалко и все такое, но... Я, знаете, сразу увидел, что не жилица; я их, безнадежных, много повидал в свое время. Как появятся на лице этакие тени...

Монастырский. Пойди к Сене, Гавриил, мальчик один там.

Прелестнов. Я ему книжку дал. Сейчас пойду... вы, того, молодые люди, не беспокойтесь. Придут родители, обрядим, я и псалтирь почитаю. Оно, знаете, и для них, когда человек в мундире, да... Ну, ну. Миша, приободришь, все там будем, брат. Ей-Богу! (*Выходит.*)

Таежников и Монастырский уходят в маленькую комнату. В большой — тишина, тени на стенах и потолке от низко горящей лампы, смутное и непо-

движное пятно постели.

Монастырский. Что ж, иди, Михаил, или?.. Тогда я лампочку зажгу.

Таежников. Да, зажги. Керосин есть?

Монастырский (*зажигая*). Есть, хватит. Как все это неожиданно и быстро случилось! Я только что зашагал сюда, как обещал Раисе Филипповне, и как раз на углу... да. Почти на глазах. Знаешь, наискосок от «Палермо», там всегда такая езда...

Таежников. Она сама?

Монастырский. Сама.

Таежников. А мне сказала, что нечаянно. Клялась. (*Усмехаясь.*) Боится только, что Бог ее не простит. Раису мне рекомендовала. Ах, Таня, – вечная ты мука моя!

Монастырский. Тише говори. Мне все кажется, что она слушает.

Таежников. Не бойся: ничего не слышит.

Молчание.

Монастырский. Придет сейчас Елизавета Семеновна... тяжело подумать.

Таежников. А мы уйдем, да. Правильно: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Что мертвая! – я

о живой говорю, вот об этой вечной мухе моей. Что надо, чтобы она возмутилась, где конец этой ужасающей покорности? Не могу я этого вместить. Егор! Буду кричать, буду вопить и неистовствовать, а не покорюсь. Восстану!

Монастырский. Она тебя любила.

Таежников. Нет. Разве она смела любить? Это другие смеют любить, а она могла только жертвовать... ах, в этом-то и ужас мой, мое отчаяние!

Монастырский. Почему твой ужас?

Таежников. Молчи, не надо. А вдруг она действительно слышит – и улыбается? Дураки, говорит, дураки! Ведь ей кое-что известно такое, чего мы еще не знаем.

Монастырский (*тихо*). Миша...

Молчание.

Таежников. Хорошо, больше не буду. Не надо. Это она всегда повторяла: не надо... хорошее слово! Холодно здесь.

Монастырский. Да, холодно. Пойдем.

Таежников. Пойдем. Как я буду сегодня смеяться и блистать в этом собрании талантливых и умных людей!

Монастырский. Разве пойдешь?

Таежников. Пойду, конечно. Ведь я немного ворон, я кормлюсь мертвечиной. (*Усмехаясь.*) Не понимаешь? Умирая, они, понимаешь, они отдают мне свою душу, свою жизнь и... страдания свои! О, сколько во мне этих жизней!

Монастырский. Ты меня удивляешь, Михаил: никак я не могу понять в тебе этого сочетания – силы и слабости. То ты на ногах не стоишь, как давеча, то...

Таежников. И не старайся понять, Егор, я и сам этого не понимаю. Одевайся, идем.

Одеваются.

Монастырский. За вещами я лучше пришлю. Как-то неловко, знаешь, точно чужое уносишь. Глупо!

Таежников. Погоди... Пройдем к ней.

Монастырский. Пройдем.

Входят, сняв шляпы. Лица их освещены, на стенах длинные, ломающиеся тени. Тишина.

Таежников. Ты видишь – там, где лежит она? Это не она, Егор. Это я умер, да, это я лежу. Таня умерла, умерла тихая Таня, и с нею умерло что-то драгоценнейшее во мне; мне кажется, что умер я сам. То, что осталось, то, что вот сейчас говорит с тобой и

уйдет отсюда, – это уже не я. Это другой, чуждый и незнакомый мне человек. Сейчас я могу предсказывать, и я говорю тебе, Монастырский: мне предстоит большая и необыкновенная жизнь. Будет творчество; будут минуты огненного вдохновения, будут иступленные слезы над жизнью и страданиями людей; будет чей-то восторг, будут громкие клики приветствий, – но **это** ушло и больше не вернется никогда. Что мне эта женщина? – я ее не любил, она лишь призраком мелькнула, как тень безгласная... а с нею уходит моя юность, моя душа, мое неузнанное счастье. Пусть же спит тихо тихая Таня, а мы с тобою – идем, Монастырский.

Надевают шляпы и выходят.

Быстро падает занавес